

Рясков В.Е. Моя жизнь - Алтай

В.Е. Рясков

Моя жизнь - АЛТАЙ

*(воспоминания
и размышления)*

*К 100-летию со дня рождения
Василия Ефремовича Ряскова — кавалера
Ордена Боевого Красного Знамени,
Ордена Ленина, оставившего
неизгладимый след в жизни, делах, умах
и сердцах людей Алтая и Алтайского
края, нашему дорогому и любимому
папочке, дедочке*

B. G. Plenko

*Моим любимым и дорогим дочери Але,
внучкам Лене и Марине
и родному Алтаю
посвящаю*

В.Е. Рясков

Моя жизнь — Алтай

(воспоминания и размышления)

Иркутск
Оттиск
2012

Рясков В.Е. Моя жизнь – Алтай: воспоминания и размышления. – Иркутск: Оттиск, 2012. 127 с.

Воспоминания Василия Ефремовича Ряскова (1912–1995) охватывают около 100 лет жизни на Алтае, начиная с переселения крестьян с конца XIX века из бедных земель Тамбовской губернии России на плодородные земли Алтая. Ценность этих воспоминаний заключается в том, что они повествуют о трудной, но интересной жизни, работе, успехах, добрых начинаниях людей Алтая и Алтайского края, личных воспоминаниях о Великой Отечественной войне и вкладе сибиряков в победу, о большом значении семьи в жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«История — это мудрый
и универсальный учитель.
Прошлое учит настоящее,
как надо жить в будущем»*

Сегодня большая дата — 100 лет со дня рождения нашего отца, деда Василия Ефремовича Ряскова. Это дата важна не только для нашей семьи, но и для многих людей Алтая, так как наш дед был очень уважаемым и общественным человеком.

Эта книга — дань памяти, дань уважения и любви нашему дорогому и любимому папочке, дедочке.

Эту книгу очень интересно читать, потому что она про наши корни и охватывает жизнь четырех поколений с конца IX века до наших дней. Это не только история нашей семьи, это рассказы о сотнях людей Алтая, которых дед помнил всю свою жизнь.

Очень хочется, чтобы в нашей семье не прерывалась связь поколений, чтобы мы уважали своих предшественников, чтобы наши дети получали правильное воспитание, знали, как нелегко, но интересно жили наши деды и прадеды.

Полностью сохранен авторский стиль изложения, чтобы передать атмосферу того времени и атмосферу общения с дедом. Это был талантливый рассказчик, который мог найти интересную тему для разговора с каждым. Читать эту книгу очень интересно, легко. Кажется, что ты сидишь рядом с дедом, и он рассказывает эти интересные для всех вещи.

Живо предстают перед нами отдельные картины, которые складываются в одну целую историческую, семейную картину.

Эту книгу еще интереснее читать, чем Шукшина или «Даурию» или «Вечный зов», которые так любил наш дед, и любим

мы, так как это живой разговор о жизни, воспоминания из первых уст.

Наш дорогой папочка, дедочка сделал большую, неоценимую работу, сохранив в памяти все события своей семьи, перенес их на бумагу и сохранил их для нас, своих потомков.

А бережно хранит все эти документы наша мама.

Мы гордимся нашим дедом — его талантом, мужеством, делами. И мы должны быть достойны наших замечательных предшественников.

История семьи — это кладезь для воспитания наших детей. Наши дети должны знать, что сделали наши деды и почувствовать, как велик наш долг, как много им предстоит сделать, чтобы оправдать надежды своих предшественников. И чем больше дети будут знать о своих предшественниках, о их трудной жизни и работе, тем лучше для семьи. Лучше потому, что это поможет детям правильное понять свое назначение в жизни.

Эта книга издается спустя 32 года с момента написания. Мемуары издались сплошным текстом. Так как, во-первых, это воспоминания деда, которые как у него в памяти запечатлелись, так и издались. Так и передался авторский стиль воспоминаний. Дед эти воспоминания начал писать в 1980 году (ему было около 70 лет). Можно представить, какой это был самоотверженный труд для нас, последующих поколений. И, во-вторых, проведена первая большая работа по изданию книги (разбор почерка, машинописная работа и др.).

Храните эту книгу, передавайте своим детям. Храните эту книгу и в сердце своем. И мы почувствуем благодарность наших будущих поколений.

Мы очень рады, что сбылась мечта нашего деда об издании его книги. Деда, если ты нас видишь, слышишь, знай, что мы очень любим тебя, уважаем и помним.

1 августа 2012 год

Я, Рясков Василий Ефремович, родился 1 августа (по старому стилю) 1912 года в селе Брусенцево Усть-Пристанского района Алтайского края в семье крестьянина. Отец мой, Рясков Ефрем Павлович, родился в селе Никольском Тамбовской губернии Моршанского уезда в 1887 году и был привезен в Сибирь в возрасте одного года, так как по причине малоземелья его родители переехали на постоянное местожительство в Алтайский край. Мать, Ряскова Ирина Михайловна, родилась в 1890 году в деревне Петропавловка Петропавловского района Алтайского края, а в село Брусенцево приехала с родителями — отцом Лютиковым Михаилом Петровичем и мамой Лютиковой Евдокией Кузьмовной (до замужества — Машорцева). В Петропавловске, Соловьихе Петропавловского района мне приходилось встречать родственников, которые помнили моих дедушку и бабушку.

Несколько слов о нашей родословной по отцу и матери.

Когда мои родственники — бабушка Федосья Тимофеевна и мой отец приехали на Алтай, дед мой Павел Потапович служил в армии. Служил он очень долго, но, сколько сказать не могу. Переехали они с братьями моего деда — Григорием Потаповичем и Федотом Потаповичем. У каждого брата были свои семьи — жены и дети.

Григорий Потапович имел двух сыновей — Дмитрия Григорьевича и Павла Григорьевича. Федот Потапович имел дочь Наталью Федотовну, сынов — Сергея Федотовича, Тимофея Федотовича и дочь Евдокию Федотовну. Эти родственники —

Сергей Федотович, Евдокия Федотовна и Дмитрий Григорьевич — относились ко мне и моему брату Михаилу очень доброжелательно, так как мы были сироты, не имели отца, Наш отец был убит в первую Империалистическую войну в 1915 году в Ломженской губернии.

У моего деда были в нашем селе три сродных брата, две сестры и дядя. Дядя, Рясков Григорий Семенович, имел сыновей — Игната Григорьевича, Ивана Григорьевича, Якова Григорьевича и дочерей Прасковью Григорьевну и Александру Григорьевну. Прасковья Григорьевна носила в замужестве фамилию Коротких (по-уличному их называли Кремопаловы). Помню об этой бабушке, потому что она нас с братом встречала хорошо. Но больше всего мне запомнилось то, что у них был хороший жеребец вороной масти.

Когда моя бабушка, Федосья Тимофеевна, с братьями моего деда Григорием и Федотом приехали на постоянное место жительства в Сибирь, то наше село, ныне Брусенцево, тогда называлось «Заселок», потому что люди начинали только приезжать и строить для себя жилье. А после, когда избушек стало побольше, этот «Заселок» стали называть «Никольским». Через некоторое время «Никольское» стало более большим селом, в котором построили церковь. И в это время с разрешения верховного духовенства по первоначальному названию села «Никольское» установили престольный праздник «Никола Зимний».

По рассказам старших с момента установления престольного праздника «Никола Зимний» эти дни проходили очень буйно. Все почти напивались допьяна и даже те, кто жил бедно, которые к этому празднику собирали последние гроши. В эти праздничные дни даже были случаи поножовщины со смертоубийством. Почему они этот праздник отмечали пьянкой — никто не знает.

По рассказам моей бабушки природные условия в нашем селе были очень богатые. Рядом с селом был лес, большие территории болота, водилось очень много дичи, рыбы, зайцев, других зверей. Все приезжающие любовались природой и, особенно, хорошей черноземной плодородной землей, которой было больше, чем достаточно.

После приезда на эту хорошую землю братья моего деда, Григорий и Федот, стали очень много работать, так как в такой бедности, в какой они жили в России, им жить надоело. Сравнивая природные богатства с Тамбовской губернией, им просто не позволяла совесть, чтобы жить в таком приволье и работать мало. Они делали все для того, чтобы жить хорошо. Все вновь приезжающие из России в Сибирь тоже работали без усталости, показывая свою удалость, ловкость в работе. Все тамбовские были очень завистливыми и не только в нашем селе, а в других районах Алтая (Фунтиках, Притычном). Они очень завидовали хорошей, богатой, привольной жизни староверов, которые жили в Сибири и не знали ни в чем нужды. Природному богатству мы, а особенно мужики, были рады, так как все было под руками. Все это моих родственников и других жителей, прибывших в Сибирь, заставляло работать круглыми сутками.

Сами мужчины не знали покоя и нашим женщинам не давали свободно вздохнуть. Жены братьев моего деда (у Григория – Федосья Петровна, а у Федота – Лукерья Васильевна) вынуждены были бросать своих малолетних детей, а их было пять, на мою бабушку, а также единственного сына (моего отца) – на свекровь Марину Павловну. Ютились в землянке, которую мужики построили по приезду. В этой землянке были русская печь, большой стол, лавки, две скамейки, три кровати и даже деревянный пол.

Приехали мы в Сибирь летом на двух телегах. Были у нас серая кобыла по кличке «Алена» и гнедой мерин «Звездоч».

Жилье мужики быстро построили, а мы в это время жили в селе Романово, которое находилось в 4 километрах от нашего села, зарабатывая продукты на зиму. В этом селе жили старoverы и жили очень богато. Они имели хорошие дома, много голов скота, птицы, большие посевные площади, хорошие урожаи. И вот, когда стали прибывать новоселы, у них появилась очень дешевая рабочая сила.

Все приехавшие могли выполнять все сельскохозяйственные работы — пахать, косить сено, убирать хлеб, молотить зерно, а также заниматься строительством, выполнять необходимые столярные, кузнечные работы. Ремесло, которым они владели, сохранилось до наших дней. Это — внешнее оформление домов в селах Романово, Вяткино и других. Мне очень хорошо запомнилось, как был оформлен дом Рошупкина Касьяна Федоровича в Романово, дом Малаховых в Усть-Пристани и др. Они строили богатые дома, амбары, ветряные мельницы, которых у нас было 10, а в других селах нашего района — по 5-7.

В рабочей силе все жители сел нужды не имели, так как приезжих из России было много, все работали хорошо, на совесть. Оплату за работу получали по договоренности, но эта договоренность была очень выгодной только для нанимателя. Эксплуатация была очень большая, но делать было нечего. Семьями брали подряды на сельскохозяйственные работы. Оплата была мизерной до окончания всей сезонной работы. Практически работали за кусок хлеба. Все старались оплачивать овощами и другими сельскохозяйственными продуктами, потому что это обходилось очень дешево.

Бабушка рассказывала, что во время работы у старoverов кормили сытно, но только не в доме, а где-нибудь на улице, и мы должны были иметь свою посуду, так как близкое общение с россиянами считалось большим грехом.

Через два года у нас появились в хозяйстве лошади, коровы, овцы, всякая птица. Тогда же построили большой деревянный дом.

Строительством домов занимались всей родней, а командовал дядя моего деда — Григорий Семенович, хотя он и жил со своими сыновьями на другом участке села. Он приходил в дом дедовых братьев и советовал, а можно сказать приказывал через бабушку Марину — мать моего деда, что необходимо делать племянникам. Так было узаконено в роду Рясковых.

Я, как сейчас помню, хотя мне было лет пять, как этот дед Гриша приходил к нам и говорил моему деду, что делать, делал замечания по хозяйству и даже, насколько мне не изменяет память, строго спрашивал все с деда, а бабушка, мать моя, тетушки не смели с ним оговариваться. Как он появлялся у нас в ограде, бабушка втихомолку говорила: «Опять «анчутка» идет», а делали, что он скажет. «Анчутка» — это по тамбовскому ругательное слово.

Этот дед Гриша — дядя моего деда, жил со своими сыновьями Игнатом Григорьевичем, Яковом Григорьевичем и Иваном Григорьевичем на Иртыше — так называли улицу. У них тоже была большая семья — до тридцати человек. Работали много, имели 2 ветряные мельницы, много скота, большие посевы. Я помню, что они тоже арендовали у государства землю, где имели вторую пашню, на которой получали хорошие урожаи. На этой пашне они имели избу и сараи для хранения зерна. У них было много домашней птицы, за которой дед, насколько я помню, очень любил ухаживать. В период от сева до сенокоса он целыми днями ухаживал за птицей. Дед до самой старости был во время полевых работ в ряду с сыновьями и внуками. Дед был очень беспокойный в хозяйстве и, поэтому, всем членам семьи жилось трудно. Все его дети, внуки были неграмотными, так как он к этому не стремился и даже запрещал учить в школе детей, мотивируя это тем, что от этого толку мало, что

крестьянам нужно работать и иметь свое хорошее хозяйство, а учиться должны дети купцов и других обеспеченных людей того времени. Он строго соблюдал посты, но в церковь ходил очень редко. Очень был скуп, за расходом продуктов строго следил сам. Семья одевалась, как и все крестьянские семьи в селе. Любил он кушать квас с солеными огурцами и картофель в мундире. Зимой ходил в длинном зипуне с большим воротом и подшитых пимах (валенках).

Когда братья моего деда хорошо обжились, обзавелись хорошим хозяйством, мой дед пришел из солдат. Служил он в солдатах долго, в 37 Симбирском полку, длительно — в Польше. Но, как попал в Польшу, сейчас не могу вспомнить. Но все это мне было рассказано.

В это время старший брат деда, Григорий Потапович, сказал, что теперь ему нужно отделяться. И в этот год ему стали строить всем родом Рясковых усадьбу — дом, амбары и двор для скота. Все это делалось только с согласия их дяди Григория Семеновича. Бабушка мне рассказывала, что «в это время жить стало тяжелей и беспокойней, так как Григорий Потапович, когда был хозяином в доме, как старший брат, все делал спокойно, а когда отделился, хозяином стал Федот Потапович, который был очень беспокойным, завистливым человеком, очень желающим стать богатым». Бабушке с женой Федота, Лукерьей Васильевной, жить было трудно и от тяжелой работы было пролито много слез. О своей тяжелой работе говорить Федоту Потаповичу было невозможно. А мой дед все это видел и сочувствовал женщинам, но оказать помощь он был бессилен, так как он по традициям, которые были в роду Рясковых, во всем подчинялся брату по старшинству. То есть, раз старший брат является хозяином, то ему должны все подчиняться и его указания для всей семьи должны быть законом. Он всю работу в хозяйстве мог делать сам. Хорошо знал плотницкое, столярное дело, делал хомуты, седла, сани, кошевки. Еще в России он

работал на кожевенном заводе, а также в овчинно-шубной мастерской у одного богатого мужика. Федот Потапович перенял привычки хозяев, у которых он работал. Мой дед, вспоминая, всегда это говорил нам, когда мы стали побольше. Он говорил, что «Федот все привычки подобрал у Ивана Петровича Галдобинского, у которого он работал». Он мог плохо относиться к людям, заставляя их много работать, не верить болезням своих родственников и чужих людей. Особенно удивляло моего деда то, что его брат не боится бога и греха.

Дед мой, Павел Потапович, человек был очень смирный, тихий, рассуждал правильно, но в спор ни с кем не вступал, хотя был прав. С народом жил тихо, мирно, ругательных слов, спиртных напитков никогда не употреблял. Во время крестьянских праздников он только один в селе был трезвым. Дед всегда, и днем и ночью, ухаживал за скотом, кормил, поил, убирал навоз. Сколько я помню, чтобы он всю ночь отдыхал — этого не было. Все спят, а он за ночь несколько раз лошадей выгонит на водопой. А поили лошадей из большого корыта — колоды, воду нужно было доставать большой деревянной бадьей (ведром) из колодца. Поил, кормил лошадей очень хорошо, а поэтому наши лошади были лучше всех в деревне. Перед 1926 годом был у нас жеребец по кличке «Комсомолец», очень красивый, у которого экстерьер и конституция были замечательными. На этом жеребце я всегда в дни масленицы верхом катался. Бегал он очень хорошо и за мной никто не мог угнаться. Ходил он очень хорошей иноходью. Если со мной кто пытался ездить наперегонки — всегда отставал. Я шел на любой заклад с любым бегуном в деревне.

Дед мой, Павел Потапович, работал очень много и в хозяйстве знал все мелочи. Он был очень богомолен. Для него было законом ходить в церковь к вечерни, утрени и обедни. Он соблюдал посты, и вся семья следовала ему в этом. Когда мы с ним вдвоем ездили на пашню, это я особенно помню, он

всегда пел какие-то молитвы. Он тихо пел молитвы во время всех работ, которые делал. Дед рассказывал нам с братом все молитвы, которые знал, а знал он их превеликое множество. Но, значение молитв он, конечно, не знал. Запомнились они ему еще с детства, а в детстве молитвам учили его родители и другие родственники. Изучением молитв он занимался и в солдатах. В солдатской службе религиозное дело имело государственное значение. Властям нужно было, чтобы солдаты были всегда покорны во всех отношениях царской власти и существующему режиму. Помнится, что он говорил, «если кто из солдат плохо запоминал молитвы, то он подвергался строгому наказанию». Все, что было заложено в разум деда в молодые годы, он помнил всю жизнь. Мне кажется, что он без этого не мог мыслить о жизни. Если же мы с братом плохо усваивали молитвы, когда он нас им учил, он всегда говорил, что «если это было бы раньше, то мы обязательно бы подвергались наказанию». Мы никогда не наказывались дедом, потому что мы сироты и были послушны. Мы с братом всегда выполняли все поручения как положено.

Своего дедушку я помню только с хорошей стороны. Он был малограмотен, писал плохо, а библию читал очень грамотно, внятно и понятно. В том, что написано в библии, он разбирался, как я понимаю, плохо, но старикам объяснял, как умел. Ему всегда поддакивал его очень хороший друг. Звали его Илья, а фамилию не помню. Но, тот был совсем неграмотный, а в церковь ходил всегда.

Работали наши деды на износ. Очень плохо считались с родными детьми, а Федот Потапович никогда никому не верил в усталость. Режим питания совершенно не соблюдался, пока они не стали жить хорошо. Лет через 10-12 хозяин дома стал заниматься торговлей. Продавал сам деготь, керосин, щетину, шерсть. Все это он закупал и перепродавал и, конечно, имел от этого небольшой барыш. Несколько лет эта торговля шла

хорошо. Он стал заниматься строительством 2-х домов, амбаров у каждого дома, сараев для скота, построил 2 ветряные мельницы. Стал иметь большой посев до 100 десятин. Стал торговать крупнорогатым скотом, свиньями и овцами. После 1910 года стал закупать со своими единомышленниками скот в Монголии.

Семья к этому времени стала большой. У моего деда, кроме моего отца, было два сына — Иван и Николай и дочь Евдокия. В 1910 году женили моего отца. До женитьбы мой отец с самого детства работал в своем хозяйстве. К работе, как и все сельские дети, был приучен с 7-летнего возраста. В школе он учился, как раньше говорили, две зимы. Это потому, что школа начала работать только тогда, когда выпадал снег, осенью, а заканчивали учебный год, когда выезжали на весенний сев. Отец учился мало, потому что в нашей сельской школе было только два класса, а отдавать в школу в другое село, крестьяне считали ни к чему, «учиться дальше могут только дети попов, купцов и другой сельской знати».

Отец был физически сильным. С братом они ездили за село на 7-8 лошадях. Возили возы сена по 5-6 центнеров. На таком же количестве лошадей ездили вдвоем в лес. Мужики всегда говорили, что с Ефремом работать хорошо и легко, потому что все работы он выполнял честно, и у него была большая сила.

Раньше в нашем селе дрались (бились) на кулачки «край на край». Наш край — с Чекуны и Иртыша, а второй — Ослины, Гниловские и Самодуровские. И вот мой отец всегда держал центр стены, а стена — это середина всей шеренги людей. Стена людей была протяжением 50-70 метров, а в стене — 3-4 порядка людей. Вот мой отец всегда находился в центре стены. В этих делах он заслуживал уважения. Отца моего даже дед, его дядя — Федот Потапович, уважал за то, что работал хорошо и честно, не пил водку, замечаний никогда не имел и был примером в семье. Этим бабушка гордилась.

Мать моя до замужества была Лютикова Ирина Михайловна. Отец ее, Лютиков Михаил Петрович, был очень бедный, имел семерых детей и из нужды не мог выбиться. Я его плохо помню, но из рассказов моей матери и других селян известно, что он был честным и очень справедливым. Всегда говорил правду любому вплоть до попа и старосты и все богатеи к нему относились плохо. Он был плотником. А бабушка, мать моей матери, баба Дуня, так мы ее звали, всю жизнь пряла пряжу богатым.

Они своим трудом не могли обеспечить нормальную жизнь своим детям. Дети у них ходили по миру, когда были маленькими (до 7-8 лет), и их отдавали их в работники. Моя мать вспоминала, как трудно доставались эти подаяния — куски хлеба. Некоторые крестьяне просто подавали милостыню, а другие с укорами и всячески обзывали всю семью, в том числе и нас. Я не хочу называть фамилии этих людей, но помню их детей, и я всегда на них смотрел с презрением. Как только у моей матери подросли братья Григорий и Прохор и сестра Ольга, они были отданы в работники — батраки, а моя мать пошла в 7 лет нянькой к богатым. Она всегда мне рассказывала о своей жизни и сама заливалась горькими слезами. Мама говорила, что «даже вспоминать невозможно адскую жизнь. Батрацкая жизнь — это самая большая тяжесть, какая есть в жизни — невзгоды, мучения, издевательство над живым человеком, даже ни в чем неповинным. Утром поднимали рано и заставляли, если ребенок спит, убираться по дому и, даже, часто приходилось провозать коров в общее сельское стадо. На выполнение всяких работ строго устанавливалось время. Если при найме договаривались, что одежда и обувь должны быть хозяйскими, то они одевали очень плохо, а в праздники, когда разрешали побыть в родном доме (день или больше), нужно было одевать и обувать свое, а если не было своего, тогда шли почти в лохмотьях. Всех нас, кто жил в батраках, можно было определить, что это

батраки по одежде и обуви. Жить в батраках — лучше не жить на белом свете. Работать заставляли много, а кормили крайне плохо, заработок был очень нищенский, и всегда были упрёки куском хлеба. Были, конечно, и хорошие хозяева, которые разрешали питаться за одним столом и неплохо одевали, разрешали в свободное время сходить к родителям. При всякой встрече с мамой были обязательно слезы, потому что скучали. И если сама не расскажет о плохой, тяжелой батрацкой жизни, то мама это все знала сама. Было строго наказано, что бы отцу об этом в любом случае не говорить. Наш отец не любил, когда жалуются и говорил, что надо хорошо работать и хозяевам угодать. Он хоть плохо, но верил богу, и всегда говорил, что даст бог, переживем». Мать вспоминала, что хорошо жить в батраках было только у братьев Михеевых (Михайловых) — Кирсантия и Тихона. Жила она в батраках у Родионова Ивана Акимовича, Пахомова Николая Степановича, Коротких (Кремпалова), Ледовских, Рощипкина и многих других.

Так мой дед, Михаил Петрович, до 1917 года жил очень бедно, потому что его два сына были в солдатах, семья была большая, и он не в силах был выбиться из нужды. Старший сын Григорий был очень болен и умер от ран, а второй сын Прохор, когда вернулся с армии, стал управлять в доме. А хозяйство было — изба и маленький дворик для коровы и лошади.

Прохор Михайлович, мой дядя по матери, человеком был очень степенным, хотя совершенно неграмотным, но в жизни, домашних делах разбирался. Он был хорошим плотником, столярю, хорошо владел кузнечным ремеслом. На людях и дома вел себя хорошо. Общественными делами не занимался, а старался накормить семью. У него было четверо детей — Андрей, Василий, Мария и Анастасия. Вся семья упорно трудилась. Он даже, по сравнению с другими крестьянами, плохо соблюдал все религиозные праздники, за что подвергался всяким насмешкам со стороны своих близких соседей. У него была своя

мастерская, где он занимался сам и его племянники плотничьими и кузнечными делами. Помещение для этого было приспособлено, сделано из плетня и покрыто дерном. Все для своего хозяйства делали сами. В последнее время стали делать оконные рамы, деревянные ведра, грабли, стулья, столы, разные ящики, ковали лошадей (только своих), ремонтировали сенокосилки, оковывали приводы для уборки хлеба. Одним словом, жили и ни к кому не обращались по хозяйственным вопросам. Хорошо помнится, как он первый в своем хозяйстве оковал свой ходок.

Все, что было нажито своим собственным трудом, моего дядю и его племянников воодушевляло работать больше. И только поэтому и потому, что государство стало давать в кредит разные сельскохозяйственные машины и инвентарь, они стали жить хорошо.

К 1930 году у него было хорошее хозяйство. Имел большой дом, амбары, все надворные постройки. Одним словом, хороший хозяин имел в хозяйстве все необходимое. Сеял он не очень много, но за посевом ухаживал хорошо. Имел лошадей, коров, овец свиней и много птицы. А в последние годы, перед коллективизацией, появилась молотилка, которую он сам сделал (кроме чугунного литья), сенокосилка, конные грабли.

В 1928 году он отделил своих двух племянников (сыновей брата Григория), которых он воспитывал, при этом дал им все необходимое. Хозяйство разделил пополам. Они из нашего села переехали на жительство в село Коловумыс нашего же района. У них там жила мать, так как после смерти ее мужа, Григория Михайловича, она вышла замуж в этом селе. В свое время детей сына дед, Михаил Петрович, оставил у себя, так как его слушали по всем вопросам. У него было желание, чтобы дети остались у него, а когда он уйдет из жизни, их будет воспитывать до совершеннолетия Прохор Михайлович. Племянники с Прохором Михайловичем прожили почти до 30-летнего воз-

раста. Жили дружно, уважали друг друга. Он их научил столярному, кузнечному делу. Они ему были очень благодарны.

Дочь Прохора Михайловича в нашем селе в колхозе «Верный путь» долгое время была председателем. Муж у нее был военным, и она переехала жить в Латвию. Живет там по настоящее время. В 1981 году моя внучка Лена была у нее в гостях и рассказывала, как она живет: имеет трех взрослых детей, которые окончили Вузы, работают по специальностям, имеют хорошие благоустроенные квартиры, дачи. Сама дочь Прохора Михайловича на пенсии, но еще работает, так как есть здоровье. У нее второй брак, так как первый муж погиб. Он тоже был из нашего села и был сыном Колесникова Ивана. Вторым мужем, Григорий Павлович, тоже очень хороший человек и специалист в промышленности. Брат Марии Прохоровны (мой сродный брат), Василий Прохорович, тоже жил в Латвии (умер в 1981 году). Много лет работал шофером, в последние годы работал на легковой машине в райисполкоме. У него остались жена и взрослые дети, которые живут там, где жили с отцом. Был он с самого детства, как его отец Прохор Михайлович, очень скромным, умным, работающим, хорошо относящимся к семье и всем родственникам человеком, имеющим среди общестственности уважение.

Мой отец жили с матерью очень немного, так как его призывали в армию. Потом он возвращался и снова был в солдатах. Сказать точно не могу, но примерно до 1915 года он был на службе в Барнауле. Мать моя к нему дважды ездила. Когда мы были маленькими, мать нам с братом очень часто рассказывала, как она ездила в Барнаул, что это за город, как там живут люди. Она с удивлением говорила, что люди даже в будни одеваются в одежду покупную, а не из холста. А еще ее очень удивляло, что она видела «живые» картины. Много нам говорила о Демидовском столбе, который и по сей день находится на берегу реки Барнаулки, рядом с которым находились сол-

датские казармы, в которых жил мой отец. Она это запомнила, так как ей приходилось долго простаивать на этой площади и ожидать, когда пойдут солдаты, чтобы увидеть своего мужа — нашего отца. За отлучку из дома она отработывала свои дни полностью, так как в семье был установлен порядок дежурства по приготовлению пищи. Это была самая трудная физическая работа, так как семья была из 30 человек. И, особенно, до невозможности больно, обидно было переносить всякие несправедливые нарекания в адрес дежурной по кухне. За недельные дни дежурства по кухне очень изматывались силы, так как приходилось работать сутками. Нужно было заниматься выпечкой хлеба, а для этого из амбара принести муку, просеять на ручном сите, достать из подпола картофель, из погреба капусту, огурцы, из под навеса мясо, масло конопляное, и почти каждый день все подготовить для того, чтобы сварить холодец. Кроме этого надо было доить коров. На следующий день (т.е. каждый) надо было получить от бабушки указание, что приготовить из пищи. Варили пищу в русской печи, в больших чугунах. Чугуны было невозможно поставить в печь без катка ухватом (у нас называли рогач). Дежурная с вечера должна была приготовить дрова, кизяк, все принести в дом и вымыть полы на кухне. Всем дежурным ежедневно помогала выполнять работу моя бабушка, так как она была самой старшей. Если были замечания, то в первую очередь хозяин дома за все спрашивал с бабушки и делал разгон дежурной. За непорядки, большой расход продуктов или другие замечания получали очень колкие упреки от хозяина дома Федота Потаповича. Моя мать говорила, что она «больших упреков не имела, так как к труду была приучена с детства и пищу готовила хорошо». Бабушка говорила всем снохам, чтобы они «не обращали внимания на эту ругань и замечания «анчутки», то есть Федота Потаповича.

Жила вся семья очень трудно, работали много, тяжело, так как был только ручной труд. В период заготовки кормов

и уборки урожая никакого просвета, отдыха не было. Хозяин дома, Федот Потапович, сам не спал, и вся семья жила в трудовых муках. Говорить ему о тяжести работы было бесполезно. За это он в лучшем случае отругает, а то и может руку приложить. Своих сыновей и сыновей моего деда называл бездельниками, а снох и девок обзывал «лохмотками» за всякие мелкие непорядки, а недоработок, конечно, было много в таком большом хозяйстве. За сеном мужики ездили по двое на 10 подводах и возили возы пудов по 30-35, и это самое малое. Во время пахоты каждый должен был за день вспахать минимум десятину. Сам же Федот Потапович занимался торговлей по всей округе и очень зорко доглядывал за хозяйством. В хозяйстве (на посевной, уборке хлеба, заготовке сена, на мельнице, пасеке, молотке, строительстве, овчинно-кожевном деле) все знал до мелочей. В доме утром вставал раньше всех, ложился спать позже всех. Поздно вечером обходил все хозяйство, делал замечания (где только они были и что было сделано не по его нраву), давал наказ, что подлежит исправить, моему деду, а мой дед знал, что его замечания для него являются законом. Дед мой всегда старался делать так, как велит хозяин Федот. Федот Потапович был очень злопамятным, всегда проверит то, что велел сделать. После проверки похвалы не делал, а если сделано было не по его, то тогда получали большую ругань, и это в лучшем случае. Бабушка говорила, что «утром, как он поднялся с постели, для всей семьи уже не сон». Он проверял, что уже подготовлено и что готовится из питания на день. В этом он всегда находил непорядки и давал свои указания. У него было узаконено каждое утро обходить своих компаньонов по торговле шерстью, щетиной, скотом и другими видами торговли. В деревне говорили, это я уже помню из разговоров мужиков села, что «утром, ни свет, ни заря, собаки лают, а это значит, Федот Рясков свою семью поднял и другим спать не дает».

Мой дед очень старался, чтобы вся семья хорошо почитала бога, так как он был сильно верующим и соблюдал все посты. В доме был заведен строгий порядок — во время поста ходить ежедневно в течение недели в церковь всем членам семьи — постовать. Заранее было распределено кто, в какую неделю из 7 должен постовать. Сам же Федот Потапович в церковь ходил очень редко и если ходил, то только в самые большие праздники, а постовал только 3 дня, так как «ему было недосуг» — это его объяснение. Божественные книги он не читал, так как был совершенно неграмотным. Когда мой дед читал Евангелие, он не слушал, говорил, что у него нет времени слушать. Дед мой читать Евангелие мог только по воскресным дням, так как в рабочие дни он не должен был быть в доме, а должен был смотреть за хозяйством. Такова была установка Федота Потаповича. Спиртные напитки мой дед употреблял очень немного и только в престольный праздник «Никола Зимний» и во время свадьбы. Пьяным его никто никогда не видел. Если он угощал купцов и других торговцев водкой, то их поил, а сам не пил. В этих делах, говорят, был очень хитрым и пьяных торговцев, были случаи, обманывал.

Бабушка мне говорила, что «он, Федотка» (так она его называла), «всех замучил и совершенно все забыл, как жили бедно и как сам работал в работниках у Романовских богачей». Бабушка говорила, что «Федотка — это не человек, а какой-то ненавистник, который готов всех замучить и у всех все отобрать и все захватить себе». Он был очень скупым. Если кому-нибудь, например, надо было купить пиджак или сапоги к свадьбе, то это было большой проблемой и делалось только по большим умалениям. И когда он разрешал моему деду дать денег, что было редко, то заставлял самого деда покупать, а потом ему докладывать. Во время разрешенных покупок мой дед украдкой от Федота советовался с женщинами, так как они в этих делах разбирались лучше, а потом покупал. В доме было уста-

новлено — то, что куплено к свадьбе (пиджак, сапоги, рубашку, брюки), должно долгие годы находиться в хорошем состоянии. Одевать это все разрешалось в большие годовые религиозные праздники: Пасху, Никола Троица, Петров день, Покров, Михайлов день, Никола Зимний, Рождество, Крещение, Новый год, масленица, а также на свадьбу и день рождения детей, который отмечался после крещения в церкви.

Также было принято после окончания полевых работ в поле, уборки урожая с огородов, окончания засолки овощей, проведения ремонтных работ в доме и во всем хозяйстве (ремонт дворов, пригонов, ограды у дома, огорода, помещений на пашне для жилья, двора для скота) давать разрешение моему деду купить каждому члену семьи обнову для праздничного ношения. Раздел всего купленного проводил мой дед с участием бабушки и снох. Очень часто после этого бывали большие ссоры между снохами и, в большинстве случаев, из-за очень мизерных покупок, которые стоили гроши. Говорить хозяину об этом никто не смел.

Моя мать говорила, что «лучше жить бедно, чем в этом аду кипеть и день и ночь», и всегда приводила в пример своего отца и то, что он беден, но честен, и его очно и заочно никто ни в чем не упрекнет. Его, конечно, богачи критиковали, насмехались, что он самый бедный в деревне, но он не в силах был выбиться из нужды с такой большой семьей, а помощи он ни от кого не имел.

Он, этот Федот, бывая в Барнауле, никогда не ночевал в Доме крестьянина, так как за это надо было платить, а ему тратить деньги на это было жалко из-за скупости. Уже взрослым я слышал в беседе от двоюродного племянника моего деда, Ивана Прокопьевича, из села Фунтики Топчихинского района, что «Федот Потапович не понимал ни дня, ни ночи, и всегда был в работе, в разъездах».

Однажды, Федот ехал из Барнаула, и по дороге от села Чистюнька до Брусенцево за ним бежали верховые, зная, что у него есть при себе деньги, которые они хотели отобрать. Но, этого им не удалось сделать, так как его конь по кличке «Кравчик» очень хорошо бегал и ему, не было равных по скорости бега. Лошадей он очень любил и даже закупал племенных. Говорят, что он первым в нашем селе начал заводить хороших лошадей. Были лошади 7/8 и 15/16 кровности. Дед мне рассказывал, что «Федот услышал от каких-то ученых, как можно «производить освежение кровей» у животных». Дед мой говорил, что «он такого не одобряет, потому что все идет от бога, а не от ученых». Когда он мне это говорил, то чувствовалась в разговоре какая-то ирония, но я тогда этому не придавал значения, а просто слушал. В г. Бийске Федот Потапович закупил 3 лошади-матки и 1 жеребца улучшенной породы. После этого стали получать такой приплод, которому можно было завидовать, потому что лошади были красивыми. Старики и молодежь в зоотехнических делах совершенно не разбирались и считали это совершенно никчемным делом. Эксплуатацией лошадей занимались умело: быстрая езда, перевоз больших грузов запряжались. Помню такой случай. Мне с дедом приходилось ездить в село Фунтики, которое от нашего села в 45 км. Ездили без груза, и дед большую часть дороги шел рядом с телегой. Он говорил, что «лошадь надо беречь и тогда она будет хороша». В семье появилось стремление иметь хороших лошадей. Был закуплен чистопородный серый жеребец по кличке «Гусак», а также «Майка» и Цыганка».

Федот Потапович в работе не знал покоя и когда стал жить богато, то о своей прошлой жизни забыл. Все должны были работать круглыми сутками, как он сам когда-то. В обращении с членами семьи и чужими он был прост, но строг. Все свои и чужие его слушались. Одевался он как все крестьяне. У него была только новая овчинная черная шуба, в которой он ездил в

Барнаул или встречался с торговцами. В семье он ничем не выделялся, кушал вместе со всей семьей, а в семье было больше 30 душ. За стол сразу садились 15-20 человек, а потом ели ребятишки. В баню ходил вместе со всеми мужиками. У него даже не было нижнего белья из ситца, а все было из холста. Питание в семье было сытным — квас, мясо, холодец, капуста, огурцы, другие овощи. Кушали за одним столом свои и чужие. Моя бабушка привечала к столу тех, кто ходил по миру. За летние работы и работу во время забоя скота Федот Потапович оплачивал хорошо, и поэтому обид на него не было. Точно мне трудно вспомнить, но, наверное, в 1918 году мой дед и Федот разделились и стали иметь каждый свое хозяйство. Но, моему деду хозяйство он выделил меньше. После раздела торговлей он не занимался, а работал со своими сыновьями в своем хозяйстве. В 1922 году он умер. Похороны его мне немного помнятся. Его похоронили в церковной ограде. Могила его была хорошо отделана. На похоронах было очень много народу. Были свои все Рясковы, а их было, наверно, домов до двух десятков, были, приехавшие на проводы в последний путь, из сел Романово, Вяткино, Барчихи, Усть-Пристани, Фунтиков, Чистюньки и все жители нашего села. Когда я стал побольше бабушка говорила, что «Федотку во время похорон отпевали три попа и на поминках после похорон было человек 200». Обед готовили все Рясковы, а дед Григорий Семенович, дядя Федота Потаповича, еще был жив, но уже по старости плохо себя чувствовал, но распоряжался поминками сам. Мой дед все его указания выполнял.

Когда я стал побольше, то слышал всякие разговоры. Одни хвалили его за удачу в работе, большую изворотливость, находчивость, другие — говорили плохо о его большой скупости, плохом отношении к семье.

Дед наш водил нас ребятишек на его могилу, которая была рядом с могилой его матери, моей прабабушки Марины.

О большой уплате за похороны в церковной ограде мне говорил Николай Никифорович Харахордин, который знал об этом, так как его мать жила у попа. Деньги были уплачены попу Куршину П.Н.. Этот поп в 1930 году был бандитом в Добытинской банде и был пойман при разгроме этой банды, которая совершила путь от Усть-Пристани до Верхслюденки Солонешенского района.

У моего деда было хозяйство: лошадей до 15 голов, коров до 10-12 голов, дом, 2 амбара, двор для скота, сенокосилка, конные грабли и старая ветрянка-мельница. Работали в хозяйстве два моих дяди, моя мать, дочь деда, сам дед и наш дальний родственник, который жил с моим дедом всю жизнь, Елизар Максимович Котенев.

Меня и моего брата приучали трудиться в хозяйстве с малых лет. С детства и всю жизнь я люблю лошадей. С 10-летнего возраста я бегал на хороших лошадях. В 12 лет я учился в селе Коробейниково нашего района. Жил на квартире вместе с Шатохиным Пашей у Коновалова Василия, у которого были хорошие лошади. В том числе у него был бегунец «Гнедчик». И вот я на этом коне бегал в «бегова» с хорошими бегунцами. Мне за это хозяин давал несколько копеек. Помню, один раз они в заклад отдавали большую сумму, равную стоимости лошади или коровы. В те годы рыночная цена лошади была 30-40 рублей. Это были большие деньги, так как продукты были очень дешевыми. Мы с Павлом платили за квартиру, питание и уход по три рубля в месяц. В этом селе были такие крестьяне, которые имели по одному бегунцу и им завидовали, потому что они могут легко прожить. У Калугиных была хорошая темно-гнедая матка, и они жили хорошо только потому, что получали большие деньги – выручку от закладов на бега. Из любого села нашего района или соседних районов приглашали людей на бега. Они делали заклад денег, не зная, с кем имеют дело. Все это обуславливалось необходимостью и выполня-

лось, как положено. В Коробейниково была традиция выезжать почти всей молодежи в зимнее время, в субботу с обеда, а в воскресенье с утра на верховых лошадях на главную улицу. И от Пеленевского дома, т.е. от нашей школы, и до Котяховки (так называлось место села) на расстоянии 3 км было много верховых, а пешеходы шли стороной, так как по улице ехали только на конях. Хорошо мне помнится, как пожилые мужчины смотрели на лошадей и делали свои заключения, что это за лошадь и даже касались ее родословной. Наш хозяин знал всех лошадей в селе и прежде всего, когда делал заклад на бег, обсуждал родословную бегунца-соперника с сыном. Один раз был очень большой заклад – примерно до 60 рублей, и я был взят в седоки на бегунце. Бегали по Михайловской дороге километров десять, и я пришел первым, то есть мой «Гнедчик» обогнал двух беговых. Вот за это мне сын хозяина Никифор дал 2 рубля.

Лошадей люблю с детства. Одним словом, где бы я не работал – в школе, в детском доме, колхозе, совхозе, райкоме комсомола, райкоме партии, МТС – у меня всегда был конь и всегда такой, что ни одному коню не уступит в бегах. А если не было такого, то я решал, как сделать, чтобы мои кони были самыми лучшими в районе, но это опишу ниже.

В седоки меня стали приучать с 6-летнего возраста (это не пахота), а боронить стал лет с 10-ти. Лошади у нас были хорошими, упитанными, смирными, послушными. Первый конь под седлом был «Карчик», который хорошо шел по борозде и хорошо заходил на заворотах в другую борозду. Это было поначалу. А когда я стал подрастать, то уже хорошо овладел управлением лошадей. Лет восьми начал ездить на лошадях, которые были впряжены в сенокосилку с приводом, во время жатвы хлебов. Но это было немного посложней, так как нужно ехать в направлении рядом с полосой, которая подлежала уборке.

Сенокосилку, конные грабли, плуг стал знать хорошо с детства. Мог отрегулировать на пахоте любой плуг – «Калющенко», «Саковский», «Ченовский», «Букарь» и другие. Мною с детства были усвоены все работы на весеннем севе. И особенно хорошо понял, как нужно проводить пахоту, боронование и сев, в школе крестьянской молодежи, где я учился, так как наш агроном школы был большим знатоком и хозяином в полеводстве, растениеводстве и других видах этой отрасли. Сейчас ясно помню его лекции о майском паре, проведении сева и ухода за ним.

После окончания 5-го класса я выразил желание для себя взять задание на летний период иметь первый майский пар. Наш агроном Дмитрий Иванович, конечно, это одобрил. Он объяснил мне, как делать, какой срок вспашки, как его держать в черном виде, как и когда проводить боронование и перепашку, как и сколько внести органических удобрений и другие работы.

Дома меня встретили с очень большой насмешкой, а потом, по моему настоянию, дед, чтобы не обижать меня, и бабушка, для меня, как для сироты, сделали милость и решили удовлетворить мою просьбу. Мне оказали помощь – внесли на поле навоз. Это было для меня самой большой работой. Сколько было внесено навозу, точно сказать не могу, но по моему детскому размышлению – много. За этим своим полем я ухаживал все лето, так как работы было много. На следующий год на этом гектаре была посеяна пшеница черноколоска. И урожай был очень хороший, сейчас точно не помню, но где-то около 100 пудов. Наш агроном был очень доволен выполнением задания, а мои домашние с этого времени стали меня называть «агрономом».

Все работы, которые выполнялись в хозяйстве по косьбе трав сенокосилкой, уборке хлеба я знал. Сенокосилку, конные

грабли мог сам ремонтировать. И даже помогал своим близким выполнять эти работы.

Мой дядя, Николай Павлович, научил меня хорошо накладывать возы сена, соломы. Эту работу мы с ним выполняли года два, до моих 14-ти лет. Ездили за сеном на 7 лошадях, иногда по два раза в день. Моя работа заключалась в том, чтобы, когда мы приезжали к стогу, опустить все чересседельники, развязать привязанные бастрыки. А дядя в это время очищал от снега стог и давал лошадям сено. После — убирал снег со стороны, где должны были стоять сани, на которые мы должны были накладывать сено. По окончании всех этих работ мы начинали накладывать сено на сани. Моя работа была стоять на возу, а у дяди — укладывать на воз сено. После того, как возы были уложены, мы их хорошо убирали, чтобы во время дороги ни одна былинка сена не потерялась. Если привезем хорошо уложенные возы, туго затянутые бастрыками, то дед за это нас похвалит, хотя похвалу получить было от него трудновато. Но, были случаи, когда мы зарабатывали похвалу, и мне это было лестно. Когда мы приезжали с сеном, дед нас встречал и говорил: «Идите обедать, а мы сено будем отметывать в сенник». В хозяйстве был заведен строгий порядок на счет бережливости кормов, особенно фуража. И когда они отметывали сено с возов, дед говорил, что «нужно аккуратно класть в сенник», и к его слову прислушивались. Сколько я помню, корма дома на заимке всегда были прибраны в образцовом порядке. Дед часто напоминал, как у них в России в хозяйствах бедных и богатых следили за расходом кормов. И это его привычка привилась всем членам семьи. Привезенное нами сено складывалось так, чтобы его можно было брать на корм скоту без потерь. Во время отметки сена лошадям кормили овсом и готовились ко второму отъезду за сеном. Если были неполадки с санями, сбруей, то это дедом немедленно устранялось и к нашему приходу на пригон, где находились лошади, все гото-

вилось. Как только мы пообедаем, к этому времени кони уже были готовы в другой рейс. Я, конечно, уставал, но говорить или жаловаться было неположено, так как эта работа давалась дедом и обсуждать это никто не мог. Дядя уставал, так как нужно было 14 возов сена уложить, и дорогой бывало по-разному. Были случаи, когда возы сходили с дороги и заваливались на бок. Это приходилось поправлять ему одному. После трудового дня лошадей кормили. Дед всю ночь не спал, о чем я ранее писал. Хомуты, веревки заносили в дом на просушку и ремонт. Это была работа деда.

Правда, мало, но я ездил в бор за лесом, дровами. У нас лесом называли строевой материал, а дровами — всякие отходы от этого материала. Большой частью лес возили с «Оскиных омутов». Так называлось место, где брали на повал лес. Надо было ехать лесом от нашего села до Клипиково (место, где был кордон) 15-20 км. Вот мне приходилось возить продукты и овес на «Оскины омуты». Там два моих дяди трелевали лес, а потом с «Оскиных омутов» возили в Клипиково, а потом через некоторое время — домой. Моей боевитости и ловкости в обращении с лошадьми очень удивлялись хозяин квартиры Рогалев Варлам и его сосед Чижков Степан, где мои дяди останавливались и складировали лес. Всегда можно было слышать от них похвалу в мой адрес. Они говорили, что я хорошо с детства приучен к труду.

В доме у нас было узаконено, что все и всегда должны трудиться на своих местах и выполнять то, что кому поручено. Рабочий день был очень продолжительным, то есть с утра до вечера. А женщины на самопряках пряли пряжу до первых петухов. Мужики ложились отдыхать только тогда, когда все работы по подготовке к следующему дню будут окончены. В дни сева, сенокоса и, особенно, уборки урожая никто покоя не знал, так как вся работа делалась вручную. Нагрузка была очень большой у всех взрослых и ребятишек. Дома находились

только дедушка, бабушка и ребятишки до 6-летнего возраста. У них тоже было много дел: кроме того, что нужно было смотреть за домом, нужно было ухаживать за детьми двух моих дядей, за скотом, готовить хлеб и другие продукты для отправки на пашню, где проводились уборочные работы.

Во время уборки и обмолота хлеба, сенокоса, когда все рабочие руки заняты работой, меня в 7-летнем возрасте посылали за хлебом и другими продуктами домой, в село. Место работы в эту пору было на пашне, которая находилась от села за 20 км, и дорога была только через деревню Романово. Мне запрягали коня по кличке «Хромко» и я ехал в село, а обратно меня на этой повозке-телеге с дощеником за село провожал дед и я всегда благополучно возвращался. Конь, на котором я ездил, был очень смирным, знал дорогу и всегда ходил очень ровным, спокойным шагом. После выполнения этой, по тому времени мне казалось, большой работы, меня всей семьей хвалили. И мне это было очень лестно.

Когда полевые работы шли на пашне «Казенной» (она называлась так, потому что дед там арендовал землю под посев), получали хорошие урожаи, так как земли там были очень хорошие. А с водопоем для лошадей и вообще водой для питья было плохо. Воду приходилось возить для пищи из поселков Зырянского и Поморского, а лошадей поить из пруда Марковского. Расстояние между поселком и прудом было 2-3 км. Лошадей мне приходилось всегда поить в день 2-3 раза, гонять «гоном». Лошадей я гонял на моем любимом коне по кличке «Мальчик». Поить лошадей мы собирались с другими ребятами с пашни — Коротких Василием, Ряковым Николаем, Пахомовым Василием и другими. После водопоя мы давали лошадям «ход» по дороге в направлении к станам, а сами немного задерживались из-за того, чтобы нам «сбегать вперегонки» — это для нас было очень большим удовольствием. За такие дела иногда была ругань, так как было заметно по нашим верховым лошадям, что

их сильно гнали. Мы с Васей Коротких своей вины не признавали, но нас иногда в этом подводили наши спутники, после чего мы порывали с ними дружеские связи.

Все мы считали, можно сказать, великим счастьем побывать в поселке Зырянском, так как там все крестьяне жили совсем по-другому, чем в нашем селе. Посевы у них находились рядом с домом, обмолот хлеба они проводили дома, а поэтому солома, мякина и другие зерновые отходы прибирались сразу. На пашню они не ездили, так как все находилось возле дома. Выпасы для скота были рядом с поселком очень хорошие. Воскресные дни и другие праздники они проводили дома, жили все очень хорошо, можно сказать богато. И это нам очень нравилось. А самое главное, в праздники они всем селом гуляли на улицах. В селе у них было множество гармошек. Как сейчас помню, что во время гуляния было очень весело, плясунов было великое множество. Мы все, брусенцевские, были этого лишены, так как нам не приходилось даже в праздничные дни отдыхать целый день, потому что выезжали на пашню, чтобы на следующий день начинать работать с утра. В этот поселок мы ездили за водой. У них в те времена были водокачки в каждом дворе и работали ручные насосы, что нас удивляло. Об этом поселке я узнал совсем маленьким и когда возвращался с пашни, то всем об этом рассказывал.

По селу один ходить я стал лет с 6-ти. Ходил до деда «Соломона» – отца моей матери. А «Соломоном» его называли потому, что он был самым бедным в селе. И вот над ним делали насмешку. Когда я к нему приходил, бабушка меня расспрашивала о нашей семье, о маме. Весь порядок домов от нашего дома до дома этого деда я знал и знал у кого какая семья и у кого лучший конь в доме.

В детстве до 14-летнего возраста, пока мы жили с дедом и дядями, для меня самой противной из всех работ была работа делать кизяки. А их делали помногу. Этим в семье были заняты

все. У нас, всех подростков, были станки для выполнения этой работы, но все равно выполнять ее было очень изнурительно. Я эту противную, тяжелую работу, от которой сильно болели кисти рук и ступни ног, помню по сей день. Во время поделки кизяка — это был период после посевной до сенокоса, нас с братом рано утром посылали за лошадьми, которые паслись за селом у поскотины. Лошадей мы на пастьбу угоняли каждый вечер. Старой матке по кличке «Корюха» путали передние ноги, а остальные лошади ходили свободно. Лошади далеко от нее никогда не уходили, все находились кучно. По окончании работ, вечером лошадей мы вели мыть, так как они день были заняты — топтали навоз для кизяка. Для нас и других сельских мальчишек было большим удовольствием купать лошадей в пруду у плотины на «Оскине». Когда лошади плыли, мы держались за гриву и тоже плыли. После этого лошади немного обсыхали, и тогда мы их отгоняли на выпасы. И в нашем распоряжении было вольно, как ехать, но всегда все занимались бегом на конях вперегонки. Когда шли домой, разговор был веселым, рассуждения взрослыми, потому что хорошо проехали и быстро окончили эту проклятую, тяжелую и всем ненавистную работу по кизякам.

Будучи секретарем парткома «Лютаевской» МТС и директором «Светлинского» молочно-мясного совхоза меня всегда волновало, что колхозникам и рабочим совхоза приходилось делать вручную этот проклятый кизяк, так как зона нашего Солонешенского района была почти безлесна. Меня это всегда тревожило, и в 1958 году я дал поручение всему инженерному персоналу найти способ, как освободить от этого адского труда наших тружеников хозяйства. Первым новый способ поделки кизяка придумал тракторист «Юртнинской» фермы Михаил Кузьмич Жуков. Он заключался в том, что готовый навоз накладывали в станок, а готовые кизяки шли по трансформеру из ящика, при этом трансформер приводился в движе-

ние мотором и моторчиком от погрузчика. После этого стали применять механизацию во всех селах, а их было больше 10, и, безусловно, усовершенствовали все эти процессы. В 1959 году у нас в совхозе стало больше автомашин. И в 1960 году «это все вошло в колею» и от этого проклятого кизяка рабочие были освобождены.

В детстве я очень трудно переносил работу, которая мне поручалась после окончания весеннего сева. Эта работа заключалась в том, чтобы жить одному из ребят на пашне с лошадьми-молодняком. Соседские ребята все находились дома, а я с пасечником Елизаром Максимовичем должен был жить на пашне и пасти лошадей. С лошадьми мне было весело, но я был один и, поэтому, скучал. Скучал я также потому, что наша пашня была на краю границы заимок нашего села. Два лета со мной вместе жил на пашне с лошадьми Рясков Николай Дмитриевич, мой троюродный брат. С ним вдвоем было, конечно, веселей. Когда Елизар Максимович уезжал домой или в другое село, мы с Николаем оставались вдвоем. Помнится несколько случаев, когда Елизар Максимович задерживался или совсем не приезжал до ночи. Мы его ждали, а когда становилось темно, нам в избе становилось боязно и мы залазили на избу и смотрели. Потом слезили, засыпали и спали до утра. Если он приезжал ночью, то нас не тревожил, а если утром, когда мы уже были на ногах, то он нас хвалил и разрешал по дороге от Чупина пруда на лошадях бегать наперегонки, одновременно предупреждая, чтобы мы никому об этом не рассказывали. Так мы всегда и делали.

Я просил своего деда жить с лошадьми в других местах, где хорошие выпасы, где другие ребята тоже пасут лошадей, но он говорил, что «корма на нашей пашне самые хорошие и, самое главное, у нас есть пасека, а пасеку бросать нельзя». С детства пасека и пчелы стали мне очень немилыми, и когда я в институте сдавал экзамен по пчеловодству, то очень нервно себя вел.

Это заметил профессор Панин и после меня спросил: «В чем дело?». Хотя я получил оценку «отлично», рассказал ему, и мы с ним вместе посмеялись. Рассказ мой был в абстрактной форме, но он все понимал, так как тоже был сельским жителем и детство его было несколько схожим с моим. Мы с ним вспомнили все сельские привычки, развлечения, а развлечениями в летнее время были игры в мячик, «куль» и просто бегать по улице. Летом никто из детей за книги не брался. Это потому, что у нас, например, в доме не было книг, за исключением Евангелия, за которое братья было запрещено, а учебники, которыми пользовались в учебное время, в конце учебного года сдавались учителям, потому что они были школьными. Читанием мне приходилось заниматься мало, так как я жил на пашне с лошадьми и на пасеке. Пчелы в детские годы так надоели, что трудно выразить свое отвращение к ним. Будучи директором совхоза, в хозяйстве мы имели до 4 тысяч пчелосемей. Отрасть хорошая, доходная. Но, я относился к пчелам не так, как, например, к коневодству или другим отраслям. Но, виду по этому поводу, безусловно, не подавал.

У меня в детстве было очень много товарищей. Среди них были даже взрослые ребята, которые меня были намного старше. Это – братья Ваня и Коля Харахордины, Саша и Володя Котелевы, Петя Навичкин, Миша Петров и много-много других. Из моих сверстников лучшими друзьями были Коротких Василий Иванович, Харахордин Николай Никифорович, Колесников Федор Матвеевич (большая часть людей его знала как «Сибиряка», потому что он был приемышем и был взят из сибирского села Клипиково), Лютиков Петр Денисович (тоже был сиротой, а мать его Мария Ивановна была человеком очень находчивым, обходительным, все работы выполняла сама, умело и хорошо), Щетинин Алексей Афанасьевич, Харахордин Павел Тимофеевич, Безмельницын Петя (Борковских) и много-много других.

В школе учиться я начал с 6-ти лет. Это был 1918 год и у нас в школе были учителя — поп Куршин Петр Николаевич, его жена Мария Кузьмовна и их племянник Рождественский Николай Григорьевич. Эта школа называлась церковной. В школе было два класса — 1-ый и 2-ой. Вот почему они у нас работали в школе, мне трудно сказать. Эти люди занимались обучением и воспитанием детей по угодным им методам. Хорошо помню, что за всякую провинность ставили в угол, на колени, выгоняли из класса. Когда поп приходил в класс, была «гробовая» тишина, он был на уроках строг. Помещение школы называлась не школой, а сторожкой у церковной ограды. В этой сторожке в передней находился звонарь Баранов. Там же находилась русская печь. Класс был тоже маленьким, парты стояли в два ряда, в ряду — по четыре парты. Парты имели очень неприглядный вид. В 1-ом классе учились ребята намного старше меня, некоторым было по 10-11 лет. Мой дед и мама просили, чтобы меня приняли в школу. Меня в школу приняли, потому что у меня было большое желание.

От этой школы, будем ее так называть, наш дом находился в 50-ти метрах. Со мной из одной семьи учился Алексаша, сын Сергея, но он был старше меня года на четыре. С Алексеем мы ходили в школу вдвоем и дома жили дружно. Наши родственники говорили, что мы живем дружно, как родные братья. Когда он умер от аппендицита (тогда называли эту болезнь «сибиркой»), так как врача и даже фельдшера в селе не было, и помощь ему никто не оказал, я о нем сильно горевал и много дней плакал.

В этой школе я проучился одну зиму. Летом в 1919 году у нас в селе было восстание, которое возглавлял Зиминский, ранее высланный из России, как политически опасный для царизма. В первый день восстания вся знать, которая руководила и имела в своих руках власть, была отстранена. Писарь, который издевался над народом, был убит, а староста (фамилию не пом-

ню, но по рассказам помню, что он жил на краю села на улице Самодурова и звали его «Чембар») был взят под стражу, и моя теть (сестра матери) Ольга Михайловна Рукоминова принародно его била по лицу за то, что они ее мужа Рукоминова Митрофана замучили до смерти и он умер. Она мне рассказывала, что некоторые противники свержения царской власти ее за эти действия ругали, говорили: «Вы беднота, ничего не делаете», а она им отвечала: «Сейчас все люди поднялись и сделают жизнь хорошей». Так ей говорили в партизанском отряде, куда она доставляла продукты партизанам. Отстраненные от власти находились на «Разломе», где ее поймали и очень били, но сильнее всех бил «Чембар», после чего она ходила в синяках.

И вот, мне думается, что до лета 1919 года в школе у нас проживали свои дни попы и их родственники, а Рождественский работал учителем в Коробейниково до 1930 года. В 1930 году я работал в Вяткино учителем и пришел в районо. Заведующим РОНО был Капустин Михаил Савельевич – сын «махрового» кулака и внук брусенцевского торговца Усова. У него и находился Рождественский.

Осенью заведующим РОНО к нам был прислан Ципин (имя и отчество не помню). Первое знакомство он провел на учительском совещании в Усть-Пристани, на котором рассказал все подробно о себе, что нам очень понравилось. В дореволюционном периоде он жил в селе в батраках. Потом его выдвинул комсомол «батрачком», то есть человеком, который проводил определенную работу с батраками. В его функции входило, чтобы каждый батрак имел с хозяином договор, где были обусловлены виды работы, оплата, условия жизни и отдыха. После этого он был послан на рабфак на учебу, а после рабфака – в партшколу. Человеком он был замечательным, душевным и рассудительным. Помню, когда Ципин приезжал к нам в Вяткино как представитель райкома партии по хозяйственно-политическим делам, он, безусловно, приходил

в школу. После коротких проверок работы школы подолгу беседовал с нами и молодыми учителями по всем вопросам. Мне очень ясно помнится, как он настоятельно просил и требовал, чтобы мы кроме работы учились и учились повседневно, так как наше в то время образование было очень низким, у многих не было и семилетнего образования. Все внимательно слушали и верили, что у нас есть возможность учиться и стать хорошими учителями.

В 1923 году в своем селе я окончил 3 класса, потому что школа у нас работала с большим годовым перерывом из-за ряда хозяйственных обстоятельств и отсутствия учителей.

Осенью 1923 года я вместе с Петей Малаховым, Пашей Ша-тохиным поехали учиться в Усть-Пристань — наш районный центр. Дома, в сельсовете под руководством Михаила Федоровича Малахова мне написали заявление, приложили справки об окончании трех классов Брусенцевской школы, об имущественном положении, и мы с мамой поехали в Усть-Пристань. Когда приехали, то нужно было проходить комиссию по приему в школу. Комиссия в составе четырех-пяти человек находилась в школе. Моя мать подала документы, и они их стали рассматривать. В справке значилось, что у меня отец убит в 1915 году на фронте с немцами. Учительница Иванова Раиса Ивановна спросила, есть ли у меня желание учиться. Я ответил, что «каждый пионер должен учиться». Ее удивило, что в Брусенцево есть пионерская организация. Она моим ответом осталась довольна. Нам сказали, что в школу в 4-ый класс я принят и объявили, когда я должен явиться на учебу. Когда мы вышли из школы, мама сказала «Как же учиться, ведь зимы еще нет», так как в своем селе начинали учиться только тогда, когда выпадал снег. Это нас удивляло. Помню, мама всегда говорила «может быть, ты выучишься и будешь приказчиком (продавцом)». От радости, что я буду учиться, пошла обратно в школу сказать «спасибо» и понесла в знак благодарности,

как сейчас помню, 5 яиц куриных, а когда зашла и стала их класть на стол, то 2 яйца уронила и совершенно растерялась от такой неожиданности. Учителя ей сказали, что «этого делать нельзя». А она думала, что мало и не знала, что делать. Они ее успокоили и не разрешили убирать разбитые яйца с пола, и даже учительница Иванова проводила ее до нашей телеги, где находился я. Когда я стал взрослым, Раиса Ивановна мне рассказывала этот случай, и мы, конечно, хохотали. Как мы были рады, что я буду учиться в Усть-Пристани. Об этом все село быстро узнало, а я себя чувствовал героем.

Мы все, брусенцевские ребята, отличались одеждой от других ребят школы. У меня был пиджак из материала своего производства, у Пети Малахова пиджак был чисто холстовый, а у Паши Шатохина — такой же, как у меня. Но учились мы лучше всех ребят в классе. С первых дней учебы меня избрали председателем в классе, Петю Малахова — заместителем, Пашу Шатохина — санитаром. Чувствовали мы себя в школе хорошо. А потом нас подбадривал Иван Александрович Шатохин (брат Паши Шатохина), который работал заместителем председателя райисполкома Мануилова Ивана Александровича. Иван Александрович был очень хорошим, честным человеком и руководителем, проводил антирелигиозную работу. Он нам внушал, что «религия — это опиум, обман». Когда я с ним познакомился, то перестал молиться и стал в семье очень ненавистным мальчиком. Деду моему это не нравилось, так как он был сам богомольным и бог у него был на первом месте во всяком деле — работе и отдыхе.

На год нас с Павлом Шатохиным его брат Иван Александрович определил на учебу в Коробейниковскую школу крестьянской молодежи. В эту школу принимали сирот и полусирот. У Павла отца Александра Ивановича убили беляки, а у меня отец был убит в первую Империалистическую войну. В этой школе я получил много полезного и, самое главное,

по животноводству, полеводству и растениеводству. В школе было свое подсобное хозяйство — лошади, коровы, посевная площадь, правда, небольшая, но хозяйство велось умело и показательно. Хозяйственными делами занимался агроном Дмитрий Иванович Корешков, человек, знающий свое дело, очень уравновешенный, рассудительный и, самое главное, работающий, не боящийся черной работы, который во всем был для нас примером. Все, что я получил от него в школе, мне очень пригодилось в работе хозяйства детского дома и совхозах. Он много вкладывал труда по оказанию помощи беднякам по хозяйственным вопросам. В это время в селе был комитет бедноты. Его председателем был Алексинов — хороший человек. Он приходил к нам в школу, и они с агрономом Дмитрием Ивановичем давали нам задание посещать бедняцкие хозяйства и разъяснять о необходимости сортирования семян и их протравливания, о выборе лучшего пара для получения лучшего урожая и другие вопросы. В это время комитет имел сортировки, сеялки, плуга, бороны «зигзаг». На все это уходило много времени, так как крестьяне по своей отсталости отказывались брать инвентарь в комитете. Но наша настойчивость, упорная работа давала свои результаты. Через год те, кто сеял протравленные отсортированные семена, сеял сеялками, вспашку проводил на определенную глубину и выполнял другие агрономические мероприятия, получили хорошие результаты урожая. После этого основная масса беднейшего крестьянства потянулась к комитету бедноты, где главную роль играл наш агроном. О таком хорошем человеке можно рассказывать много хорошего. Из нашей школы он был взят на партийную работу и был потом секретарем по сельскому хозяйству Горно-Алтайской области, а в 1938 году, в период культа личности, его взяли органы и, как мне рассказывал Вася Повышев (бывший секретарь Усть-Пристанского райкома комсомола), он в заключении погиб. Сколько он делал хорошего для народа

и сколько бы он еще сделал, а его, замечательного человека, этот, проклятый всем народом, культ лишил жизни. Сколько было взято в заключение совершенно ни в чем неповинных людей. Когда садили в тюрьму грамотных, об этих можно еще было думать, что они может быть и повинны, так как они умели говорить о делах государства, а вот когда забирали и садили в КПЗ и заключали на 10-15 лет людей, которые кроме своей семьи и своего села нигде не были, а только работали и работали хорошо, было не совсем понятно. Я работал в то время директором Тополинского детского дома и у нас был взят, как тогда было модно говорить, органами дядя Яша Архипов. Работал он у нас сторожем и работал очень хорошо. Он все ночи не спал, а охранял имущество детского дома, смотрел за скотным двором, телятником, свинарником, птичником, не говоря уже о том, что его основной работой была охрана интернатов, где жили воспитанники. Он, этот Архипов, за всю свою жизнь только был три раза в Солонешном и два раза в Черном Ануе, когда еще там был райцентр. Был у нас в Топольном взят тоже органами очень хороший человек, работающий с начала коллективизации в колхозе бригадиром, Солдатов Митрофан Иванович. Он был одним из лучших бригадиров полеводческой бригады в нашем селе и районе. Был взят в тюрьму и там погиб Беляков Иван, который работал учителем начальных классов. После окончания семилетки его обвинили в том, что он, якобы, учил подростков стрелять из самодельного пугача, и это очень не понравилось другим учителям (фамилии их забыл). Одним словом, можно было садить в тюрьму, лишь бы была бумага с тремя подписями и любой клеветой и указано, что эти действия идут против советских законов.

В 1926 году семья наша разделилась, и все имущество разделили на четыре пая, то есть деду, дяде Ивану, дяде Николаю и нам. Нам, как тогда говорили, «досталось от дележа», а на самом деле нам выделили хозяйство — двух коней, избу, амбар,

корову и три овцы. При разделе были родственники Рясковы из молодежи, и им до всего правильного не было интереса. Моя мать согласна была на то, что дадут, то и хорошо. Это же подтвердил брат моей матери Прохор Михайлович. После того, как мы стали жить одни, то есть я, мать и мой брат Михаил, нам стало жить трудно, так как мне еще не было 14-ти лет, брату — 11, а одной матери все было не под силу. Двор для скота нам помогли сделать дядя Прохор, дядя Тимофей Кондауров (муж сестры матери Федоры Михайловны). Сени к избе сделать мы наняли, а пригоны и стайки для скота мы с братом делали сами. Помню, как нам трудно было на всех работах. Нужно было пахать, боронить, сеять, выполнять другие хозяйственные работы, а у нас не хватало сил и умения, и слезам давали полную волю. Помню, во время сенокоса мы поехали косить сено в Клепиково с дядей Прохором и дядей Тимофеем. Сена заготовили хорошо, но мне было до невозможности тяжело. Косил, копнил и другие работы выполнял наравне с ними. Дядя Прохор сено кидал на стог, а я стоял на стогу. Косить косой и отбивать-точить я умел с самого детства хорошо, так как был приучен с 10-ти лет к этой работе.

В этот же год нужно было убрать хлеб, а у нас было всего 3,5 гектара, что требовало рабочих рук. Положение было безвыходным, и мать пошла к Ряскову Сергею с просьбой, чтобы он нам наши зерновые убрал. И он согласился. Сжал наши хлеба, а мы с матерью отработали на вязке снопов его хлебов, а брат был в сенокосах всю уборочную. Все эти работы вспоминать сейчас даже трудно, а тогда, коротко говоря, были горькие слезы.

В это лето у нас пал рыжий мерин и тогда мы остались при одной лошади. В этом нам помог Миша Фокин, то есть рассказал, как оформить документ на павшего коня и получить страховые 30 рублей. Все было сделано, деньги получены и нам представилась возможность купить за эти деньги у одного богатого мужика Глебова серую кобылу с жеребенком, а у него

была какая-то срочная необходимость продать лошадь. И вот нам, мы считали, повезло.

В зимний период у нас не хватило сена и соломы скоту, так как осенью у нас сгорели 2 стога сена. За соломой мне пришлось ездить на одном коне в село Осколково к дяде Кожевникову Кузьме Семеновичу. Это километров 25, а там еще километров 15 до их заимки, где находилась солома.

А летом в 1927 году нас обокрали. Украли мои сапоги, брюки, пиджак, две шубы, тулуп, всю муку, которая была и которой по нашим подсчетам хватило бы до нового хлеба. В этот период народ богател и в нашем селе наши соседи были очень большие ненавистники и, даже, насколько я помню, радовались нашему горю. Некоторые чужие и родственники, особенно на меня, смотрели очень плохо, так как я в это время был комсомольцем. Мои дяди в насмешку мне говорили, что «комсомольцы на погорелое не собирают».

Наступил сенокос, а у нас нет хлеба, и создалось крайне тяжелое положение, так как продавать и менять на хлеб у нас было нечего. Наш дед, который жил с сыном Николаем, заставил сыновей Ивана и Николая принять нас, то есть заставил вместе заготавливать корма. Они на это пошли, конечно, с большой неохотой и, особенно, их жены. И нам, безусловно, не было радости, но нечего было делать и временно приходилось «пригибаться». Главным вопросом было то, что им пришлось нас всех троих кормить своим хлебом. Дед так распорядился, а они нет-нет и упрекнул меня комсомолом, что «комсомол не кормит», а мать тем, что она стала хозяйкой, а не подчиненной в их доме. По окончании сенокоса и уборки хлеба моя мать разругалась с ними окончательно из-за того, что они над нами устраивали несправедливые насмешки. В ответ на это они нам не стали проводить обмолот хлеба своей машиной. Это был тяжелый момент, но мы его пережили.

Было очень много трудных моментов, которые нам пришлось переживать. Они продолжались до 1930 года, пока я не стал работать учителем. Когда государство своим постановлением определило задачи всем советским органам по всеобучу в Западносибирском крае, эта работа стала очень хорошо и умело проводиться в жизнь. С начала 1930 года в селах нашего района было много организовано и открыто школ, ликбезов, школ для малограмотных. На работу в школы были посланы комсомольцы старших классов, в том числе и нашего агропедтехникума. Кто этого не знает, тому трудно понять, а кто помнит, и кто непосредственно проводил такую большую работу, никогда не забудет. В селах стали проводиться общие собрания по кварталам по поводу всеобуча, изыскивались помещения. Школы открывались в приспособленных помещениях, учителям создавались хорошие условия для работы и быта. На эту работу шла молодежь и бралась за дела с очень большим задором.

Я был послан на работу в село Вяткино, которое находилось в 15 км от Усть-Пристани. Село было большое, богатое и делилось, на три больших, можно сказать, участка: «Шитовка», «Сибирский край» и «Хахольщина». Мне пришлось работать в «Шитовке». От сельсовета и центральной школы «Сибирского края» до «Шитовки» нужно было идти километра два. Большая школа была у нас построена уже после революции. Всего в школе было пять классных комнат, которые все были заняты. Кроме этого, велись занятия во вторую смену, а вечером школа была занята под ликбез и школу для малограмотных. Люди шли учиться очень охотно. Занятия проходили хорошо как в начальных классах, так и в ликбезе. Такая дружная организация работы по всеобучу отвлекла молодежь от «вечерок», которые сопровождалась пьянками, драками и другими очень нехорошими делами. В те времена очень трудно было вести борьбу от отвлечения молодежи от вечеринок, так как это было уза-

конено многолетней привычкой. Нам, учителям, приходилось по этому вопросу много работать разными методами. Во время проведения разъяснительной работы были случаи терпения различных оскорблений и всякого рода унижений. Помню, на одном собрании молодежи нашей «Шитовки» было оченьлюдно, присутствовало минимум 200 человек. Один молодой человек (фамилию забыл, но имя помню – Николай) задал вопрос «А зачем всех учить грамоте, в том числе и женщин?». Я ответил, что «знания всем необходимы, так как подошло время, когда без знаний жить нельзя. Мы начали жить коллективно, где нужен учет и без знаний вести хозяйство невозможно». Второй вопрос задал с насмешкой «И свинарка тоже должна быть грамотной?» и весь зал захохотал. Пришлось долго разъяснять им этот вопрос. На этом собрании присутствовал пожилой человек Матчин Иван. Он стал говорить «Правильно, что нужно учиться, а с вечеринками нужно покончить». Наша работа оказывала свое влияние и нас понимали правильно за исключением единиц, с которыми приходилось много работать.

В этом году вся молодежь была охвачена учебой, а часть втянута в общественную деятельность жизни села. Это было в «Шитовке». В «Сибирском крае» было две больших школы и один приспособленный бывший поповский дом. Также было и на «Хахольщине». Учителей вместе с ликвидаторами неграмотности было в «Шитовке» – 8, «Сибирском крае» – 15, «Хахольщине» – 5 человек. Всего – 28 человек. Эту армию (25 тысяч человек), председатель сельсовета Афанасьев, который был ленинградцем, организовывал, нужно сказать, хорошо. Все мероприятия проходили в селе прекрасно.

Но были трудности по заготовкам хлеба, борьбе с кулачеством и остатками Добытинской банды, которая была организована начальником ОГПУ Добытиным. Банда была разгромлена через несколько дней. Отдельные остатки банды (Зуев

Иван, Геремович, Есин Илья и другие) были в селе Вяткино. Со стороны райкома и наших правоохранительных органов была оказана сельсоветам, партийно-комсомольским организациям помощь и непосредственное участие в этих делах. Начальником милиции Доброрезовым все препятствия были ликвидированы. Наши учителя во всех этих, по тому времени, трудных делах принимали прямое участие. Эти остатки банды действовали на некоторую часть населения, что составляло трудности в работе. Были случаи, когда ярые подкулачники по заданию «махровых» кулаков публично выступали против мероприятий, которые государство проводило в жизнь. Церковный староста Мещеряков вел открытую агитацию против покупки займа крестьянами. Председателю коммуны Чупиным пришлось с ним долго беседовать по этому вопросу в доме кулака Вяткина, где была школа для ликбеза. Только после этого он хорошо понял, что этим заниматься нельзя.

6 ноября 1930 года председателю сельсовета Афанасьеву было поручено в «Шитовке» провести общее собрание женщин в 10-11 часов утра. На собрание пришло много народу со всего нашего села. В этом помещении, где был организован ликбез, не хватало даже мест, и поэтому часть народа находилась в сенках и сарае. Потом стали задавать вопросы, на которые отвечали. Нам стало понятно, что их заводилам не столько нужно задавать вопросы по делу, сколько вывести людей из равновесия. И все для того, чтобы они могли к нам придраться, что мы ведем себя нехорошо, и, в лучшем случае, на нас жаловаться, в другом случае — наброситься на нас с кулаками. Мы терпеливо все им объясняли. И вот, одна из женщин по фамилии Каширина задает вопрос «Почему делают обыски по дворам и изъятый хлеб забирают государству?». Ей ответили, что «изъятый хлеб нужно продавать государству, а не закапывать в ямы». Заводили кулацкие подняли крик, что «это местная власть делает незаконно, вы нас хотите погубить» и другое,

и дело дошло до нецензурной брани. Когда их стали серьезно предупреждать, они стали наступать, а потом пустили в ход кулаки. Это издевательство проходило несколько минут. Мной моментально было выбито стекло в раме. Крикнули Золотухину Михаилу, который был председателем комсода о том, что здесь происходит. Он мгновенно выстрелил вверх у окна. Тогда они отступили и стали убегать из дома толпой, а потом разбежаться по селу. Через несколько часов все заправили и те, которые наносили всем удары, были собраны. Несколько человек были взяты милицией. Потом всех виновных в этом судили.

В селе Вяткино было много мест, где находились остатки банды, которые очень вредили. Это создавало большие трудности в работе. Мне с дядей Федором Смагиным один раз пришлось выследить одного бандита из Брусенцево Родионова Василия Ивановича. Он находился или у родственников, или у хороших знакомых, кажется, по фамилии Зуевы, но поймать его, то есть забрать, было невозможно. Долго он скитался и вредил, но потом был взят органами.

В Вяткино я проработал весь 1930 год. Потом окончил в городе Рубцовске кратковременные курсы учителей и был послан на работу в Шипуновский район в село Кособоково. Общественностью были председатель сельсовета Витя Сибиряков, секретарь сельсовета Андрей Ступин, председатель сельпо Иван Дмитриевич Минаев и, особенно, заведующий школой Дмитрий Иванович Токарев. В первые часы меня определили на квартиру к Осадчему Кузьме Ивановичу, который работал в Белоглазовской милиции. Жена его Мария Фандеевна была тоже очень гостеприимной. Встретили меня, как родного. Хорошая встреча в этом селе меня очень обрадовала. Заведующий школой Дмитрий Иванович был культурным, образованным и очень вежливым в обращении человеком. Он все рассказал мне о школе, селе и колхозе «Красный Чарыш».

В первый день моего прибытия в колхозе был митинг по случаю хорошо организованного пробного выезда на весенний сев. На митинге было оченьлюдно. После митинга молодежь хорошо веселилась, плясала сначала на улице, а потом в клубе. Много было гармошек.

В школе в первые дни «вошел в колею». Учителя были хорошие — Екатерина Борисовна Новикова, которая имела большой стаж работы и знала свое дело хорошо, молодая учительница Калерия Алексеевна Чуманова, Татьяна Борисовна Сибирякова, работающая первый год и другие, знающие свою работу учителя. В педколлективе я был окружен вниманием.

В комсомольской ячейке тоже быстро познакомился с Шурой Валовой, Семой Сибиряковым, Никитой Вдовиным, Митей Осадчим, Мусей (фамилию забыл, работала заведующей детскими яслями и садом). Через месяц меня избрали секретарем комсомольской ячейки, так как Шура Валова выехала на учительские курсы. В работе с комсомолом мне очень хорошо помогал секретарь партийной ячейки Алексеев Петр Николаевич, который был уравновешенным, тихим, рассудительным человеком. Хотя он был малограмотным, но на партийных позициях стоял стойко. В селе имел хороший авторитет. К нему можно было обращаться со всеми вопросами в любое время. Делал он все справедливо, а потому снискал к себе уважение.

В июне 1931 года наш заведующий школой Токарев ушел в отпуск и уволился с работы у нас в районе. После его увольнения меня назначили заведующим школой. В работе школы мне очень хорошо помогали председатель сельсовета Иван Дмитриевич Минаев, секретарь партийной ячейки Федор Романович Козликин, председатель колхоза Яков Иванович Осадчий и другие. У нас в школе хорошо работал школьный совет, председателем которого был Севрюков Трофим Тимофеевич. За работу школы на конференции учителей мне была вручена грамота «Ударник 1-ой пятилетки» и 50 рублей денег.

Летом 1932 года я был назначен начальником пионерского лагеря, который располагался в сосновом бору села Усть-Порозиха. Итоги работы были подведены в райкоме комсомола с оценкой «хорошо».

В августе 1932 году меня назначили заведующим Быковской школы. Я, конечно, шел на это с большой неохотой, но в РОНО и райкоме сказали, что в этом есть необходимость, и я дал согласие. Учителя нашей Кособоковской школы и Воробьевской, Парозихинской, Усть-Парозихинской, Чупинской, Кахтатовской школ тоже ходатайствовали о том, чтобы меня не переводили в Быковскую школу, так как наша Кособоковская школа является кустовой, и я руководил этим объединением школ год. Моей работой учителя и общественность села были довольны.

В Быковском совете, председателем которого был Апрашкин, и колхозе «Единый труд», председателем которого был Куликов Митя, приняли меня хорошо, так как до меня был заведующий школой, с которым у них не было лада. К нему они относились недоброжелательно, зная, о том, что он был в царской армии офицером. Школа была построена до революции, но сделана была добротно, большая, с большими классами и окнами, просторным коридором. При школе была хорошая квартира для заведующего школой и квартира для технички, а также хорошо оборудованная баня, которая топилась «по белому».

В школе были очень бедные оборудование и наглядные пособия. В этом деле мне общественность помогла хорошо. Мы с председателями сельсовета и колхоза вместе поехали в РОНО и райком по этому вопросу, и нам была оказана очень большая помощь. Деньги на оплату оборудования и наглядные пособия изыскали на месте. На партсобрании избрали школьный совет, а председателем его избрали Куликова. И тогда мы просто зажили хорошо, так как все хозяйственные вопросы он помо-

гал решать. В нашей школе учителя были все комсомольского возраста — молодежь. Это Карев Иван Васильевич, Вороткова Анна Матвеевна и еще три учительницы. Все были очень хорошими работниками в школе и активными общественниками. Ходили часто в колхоз, помогали в ночное время на обмолоте хлебов, и это не отражалось на нашей работе. Также с учителями помогали колхозу на уборке свеклы, плантации которой находились очень близко от школы. Вся работа в школе и общественная работа выполнялись с задором.

В этом коллективе мне пришлось работать недолго, так как в октябре 1932 года меня взяли на работу в Шипуновский райком комсомола председателем детского движения (пионерской работы). С первых дней работы мне пришлось проводить курсы пионервожатых. А на курсах было 53 пионервожатых, потому что район был большой и состоял из двух районов, объединенных в один — Белоглазовский и Шипуновский. Работу мне передал Котко Федосей Михайлович, потому что его взяли в армию. В начале 1933 года он возвратился из армии по состоянию здоровья и райкомом был направлен на работу в редакцию районной газеты «Коммунар». Это был очень хороший товарищ и человек большой души.

В аппарате райкома комсомола работали Гуськов Федор Николаевич, Каверзин Валерий Степанович и другие. Всего было 13 человек. Секретарь Зорин Николай Иванович (ленинградец) был к нам послан из ЦК ВЛКСМ. Работали очень дружно. И комсомольская, и пионерская работа были на должном уровне. За работу нас всегда ставил в пример первый секретарь райкома партии Матросов. Районный нардом работал хорошо и весь коллектив райкома принимал самое активное участие в проведении всех мероприятий. Бюро райкома и наш комсомольский актив работали дружно. Все мероприятия, которые мы намечали, выполнялись, как положено.

Так как район был очень большой, нам приходилось проводить кроме пленумов райкома еще кустовые комсомольские собрания по разным вопросам. Один раз мне пришлось с секретарем райкома комсомола Зориным Николаем Ивановичем проводить такое собрание в колхозе «имени Молотова», который потом назывался «имени Гринько». Он находился примерно в 20 км от нашего райцентра ст. Шипуново. На обратном пути во время ночи мы заблудились, и пришлось долго искать дорогу. Домой добрались только к утру. Необходимость ехать в ночное время была из-за того, что утром у нас было назначено внеочередное заседание бюро, но которое были вызваны секретари из дальних от районов сельсоветов. Также проводили кустовые комсомольские собрания в селах Хлапуново, Быково, Коробейниково, Зеркалах, Белоглазово и других.

Самодетельность в наших комсомольских организациях была на первом плане, и мы всем этим занимались. Давали пример из районного народного дома. По линии райкома комсомола всегда организовывались агитбригады. Райкомом партии было представлено право брать нам в агитбригады комсомольца из любого учреждения района на сколько нам потребуется. Хорошо помогал в этих вопросах председатель райсовпрофа Шапочников. Это был человек до самой старости с комсомольской хваткой. Он по-своему оказывал влияние на любого руководителя районного уровня, который нам делал какие-либо препятствия в организации агитбригад. Секретарь райкома Зорин от нас уехал по отзыву ЦК. Федя Гуськов ушел на бухгалтерскую работу. И мы почти все разошлись на другие работы.

В этом же году, летом 1933 года по моей просьбе крайне меня направило на работу в Солонешенский район. При назначении заведующий Солонешенским районо Гусев представил мне выбор школ, и я выбрал село Юртное, так как оно

находится ближе всех сел к моему родному селу Брусенцево (километров 80).

Когда я прибыл в эту школу, то удивился, что это была в полном смысле слова развалюха. Не говоря о делопроизводстве, которое в каждой школе должно быть заведено, в самом здании школы был полный хаос. Лето мне пришлось много поработать в правлении колхоза «Верный путь», совете и в районе РОНО, райкоме комсомола, райкоме партии. В райкоме партии был секретарь Акимов Леонид Дмитриевич, очень хороший человек. Секретарь на меня обратил внимание и ответил делом на мои вопросы. В Черемшанском сельсовете, куда входила наша Юртнинская школа председатель Здобников, председатель колхоза «Верный путь» Плотников, секретарь партийной ячейки нашего колхоза Цыганков и член поселкового совета Попов Егор Васильевич после указания райкома партии подняли этот вопрос — вопрос о ремонте школы. Из колхоза были выделены 12 плотников (двое Жуковых — Кузьма и Ефим, двое Давыдовых — Сергей и Василий и еще 8 человек, фамилии не помню) на изготовление новых парт. За месяц было сделано 50 парт и несколько столов, хорошо отремонтирована (покрашена и побелена) школа и один кулацкий дом Давыдова. Рядом со школой стояла бывшая контора колхоза, которую отремонтировали и оборудовали под столовую для школьников. Колхоз выделил повара и продукты для горячих завтраков. Когда в школе все было сделано и приобретено много учебных наглядных пособий, я сообщил в райком. Из района приехали посмотреть заместитель председателя РКЦ Кузнецов П., секретарь райкома комсомола Антонов П. и заместитель председателя РОНО Андреев А.В., и им, конечно, все очень понравилось. И на первом совещании директоров и заведующих школ было все рассказано. Это меня, безусловно, подбодрило в работе. Я незамедлительно поставил вопрос об открытии школы в колхозной бригаде, которая находилась в 6 км от Юртного. Этот

вопрос решился через 15 дней. Под школу приспособили тоже кулацкий дом и все хорошо оборудовали. В этом доме сделали два класса и коридор. Плотники, которые работали летом в нашей школе, сделали парты, столы, стулья и даже шкаф.

Во время открытия школы в этой колхозной бригаде (ранее там был колхоз «имени Коминтерна») собрались все жители и прибыли члены правления колхоза «Верный путь», секретарь парторганизации Паутов Петр Нестерович, представитель райкома партии, работник КК РКИ Кузнецов Петри Иванович. Мне пришлось делать доклад по поводу открытия школы и воспитания подрастающего поколения, представить колхозникам и учащимся прибывшего к нам в школу учителя Одинцова Николая Осиповича. Он рассказал о себе, так как тогда это было принято делать. Выступили председатель колхоза, секретарь парторганизации, бригадир этой полеводческой бригады Яшкин и председатель райкома партии Кузнецов. Колхозники были все очень довольны из-за того, что у них теперь есть школа и ребята будут учиться дома. Поселок был образован в 1920 году, а школы не было, потому что этому вопросу никто не придавал значения.

Дали учителя, который был уже пятым. У нас работали учителя – я, Стариков Георгий Данилович, Зацепин Аркадий Иванович, Одинцов Николай Осипович и учительница (фамилию ее забыл).

К празднику Октября открыли однокомплектную школу на «Светлинской» ферме «Светлинского» совхоза и ее отдали под мое руководство. Когда мне требовалось выезжать в эти школы, колхоз выделял хорошего коня. На «Светлинскую» ферму назначили и прислали учителя Гаврила Ефремовича Андриянова. В нашем педагогическом коллективе стало шесть учителей. Все учителя являлись хорошими работниками и активистами в общественной жизни.

Летом 1934 года в период отпуска, для тех, кто не имел среднего образования, были проведены курсы. На этих курсах мы изучали весь программный материал 5,6,7 классов, после окончания которых, нам выдали документы об образовании за семь классов. Это была одна группа учителей. А другим трем группам выдали документы за шесть классов. В 1938 году я окончил экстерном 10 классов Солонешенской средней школы и в этом году сдал все методики преподавания в Бийском педагогическом училище (методики сдавали все, кто имел 10 классов образования). В июле 1938 года я получил свидетельство об окончании Бийского педагогического училища.

Из Юртнинской школы меня перевели заведующим Медведевской школы. Мне тоже не хотелось переходить в эту школу, но по настоянию РОНО и райкома комсомола, я согласился. В Медведевской школе я проработал с июня или августа 1934 года по апрель 1936 года. Эта школа была побольше Юртнинской. Учащихся было всего 180 человек. В коллективе работало пять учителей – я, Матвеева Елена Алексеевна (она с февраля 1935 года стала моей женой), Бровко Тихон Андреевич, Гусева Софья Ивановна и еще одна учительница, фамилию которой не помню.

Школа имела подсобное хозяйство, которое состояло из 2 коров, посевов до 25 гектаров. До меня работал заведующий школой, который и организовал это. Посев проводил колхоз «Красный партизан». Со средней урожайности колхоза выделяли определенное количество зерна, а молоко, полученное от коров, переводилось на масло, и эти продукты шли на горячие завтраки учащимся. Учет прихода и расхода продуктов вел член школьного совета Бахтин Иван Михайлович. В мою бытность школе из колхоза был выделен конь «Рыжка» и сделаны очень хорошая сбруя, легкие салазки. На этом коне мы ездили в район и на совхозные фермы, где жили родители наших уча-

щихся. Совхозные ребята (наши учащиеся) жили в общежитии. Их было до 20 человек.

Коллектив школы с общественностью жил хорошо. Руководители сельсовета, колхоза и партячейки помогали школе вполне удовлетворительно. В школе было все необходимое для учебно-воспитательного процесса. В 1935 году от РОНО, райкома профсоюза и райкома комсомола я получил почетную грамоту «Ударник 2-ой пятилетки».

В начале 1936 года с ведома райкома партии я был переведен РОНО директором Тополинского детского дома. В детский дом мне очень не хотелось переходить, потому что он жил на подаяния колхозов и совхозов района и прославился своей недисциплинированностью. О картинках хулиганских действий детдомовцев нам рассказывал наш заведующий курсами учителей Квасков Сергей Дмитриевич. Он работал до этого директором Тополинской неполной средней школы и говорил, что невозможно работать в школе, где учатся детдомовцы. Меня очень долго уговаривали заведующая РОНО Шадрина, председатель райисполкома Кузнецов, начальник НКВД Шишкин. Потом мы посоветовались с женой и другими родственниками. Но, самое главное, на меня подействовал разговор с секретарем райкома комсомола Даниловым.

После получения назначения я приехал в детский дом на своем коне Медведевской школы. Меня встретили ребяташки из детдома, и первое, на что они обратили внимание, это на моего коня. Я слышу разговор: «Вот бы нам такого коня», а другие говорили: «Наш Буланка еще лучше, но он только заморен, потому что директор наш сидит дома и за хозяйством не смотрит». Они стали меня спрашивать, откуда я и зачем приехал в детдом. И в это время подошел один из воспитанников Кондрухов Леня. Он меня знал и уже слышал о том, что меня посылают в детдом на работу. Кондрухов Леня исполнял обязанности кладовщика и когда ездил в РОНО, то там это все

услышал. Когда он подошел к нам и поздоровался со мной, как взрослый мужчина, то, не задавая вопросов, сказал: «Давайте, ребята отведут коня на конюшню» и объявил ребятам, что «К нам приехал директор». Все ребяташки этому обрадовались, заплясали и зашутили из-за того, что приехал новый директор, так как они своего директора очень не любили, потому что он был плохим работником. До детдома он работал продавцом в сельпо и случайно попал на должность директора детдома.

В первый день моего прибытия я очень быстро познакомился с воспитанниками и хозяйственной частью детдома. В интернатах, где жили воспитанники, было очень бедно, в том числе с постельными принадлежностями, и очень грязно. Воспитанники одеты были плохо. Столовая имела очень бледный вид. О вопросе питания и разговора быть не могло, так как детский дом, еще раз повторяю, жил на подаваниях хозяйств района. Не было воспитателей, сапожника, кастелянши, учебных комнат, медпункта, клуба. У ребят в школе было очень много пропусков, и хуже того, некоторые совсем не ходили в школу. В хозяйстве было 10 лошадей, 15 коров, 50 овец, 3 свиноматки и старые сараи для содержания скота. Это хозяйство было в запущенном состоянии и отдано на откуп рабочим людям, которых в колхоз не принимали.

Вся эта картина меня очень взволновала, и через 2 дня моего пребывания в детдоме я решил ехать в район к начальнику НКВД Шишкину, так как они были нашими шефами. Мы дали телеграмму в крайно, в краевое управление НКВД и крайздра- вотдел, чтобы они выехали посмотреть условия жизни воспитанников. Через 4 дня к нам в детдом приехала комиссия из краевых органов под председательством старого большевика, работающего в деткомиссии (не помню фамилии), который был послан Громовым. Громов — это старый наш сибирский коммунист, руководивший в Сибири партизанским движением. Комиссия оформила все актом. После этого мне необходи-

мо было выехать в Новосибирск для решения этих вопросов. Написали обстоятельное письмо, что наш детдом находится в крайне тяжелом положении и изложили просьбу от райкома партии и райисполкома, чтобы детдом был финансируем государством, как и все детдома. По этому вопросу я и заведующий детским сектором крайно были на приеме у председателя крайисполкома Грединского. Он нам пообещал: «Ваша просьба будет удовлетворена». По прибытии домой, дней через 5 получили телеграмму, в которой говорилось «Тополинский детдом поставлен на финансирование» и предлагалось срочно выехать в крайно для составления сметы и промфинплана на 1936 год. Эта работа нами была выполнена срочно. Наш бухгалтер Петр Петрович Стародубцев, которого я после своего приезда принял на свою власть и пообещал ему все устроить с квартирой и зарплатой, мне, конечно, поверил, так как он когда-то в Усть-Пристань был моим учителем. Когда получили известие о финансировании, мне стало легче из-за того, что все пойдет хорошо. Петр Петрович был человеком с задором. Он выехал в Новосибирск для составления сметы и промфинплана.

Наши воспитанники все продолжали ездить по хозяйствам района за этими подаяниями. Нужно отдать должное райкому партии, что он давал колхозам и совхозам указания по разнарядке — сколько нам поставить мяса, скота, зерна и оказать другую материальную помощь.

Когда с 1 мая 1936 года мы стали получать финансирование, у нас дела по снабжению пошли хорошо, так как РКС было дано указание «обеспечивать нас продуктами питания, другими товарами». До 1 июня 1936 года нам была отгружена полностью одежда, обувь и другое обмундирование. Когда мы это все получили, какая была радость, какое было веселье среди детдомовцев.

К этому же времени я лично покончил с чесоткой, которой болели все воспитанники. Местом для лечения была баня, которую в первую неделю моего прибытия сделали в кулацком доме. Когда я ребят мазал дегтем с купоросом, они плакали. И мне приходилось, так как это было необходимо, мазать себя. В этом деле моим первым помощником был воспитатель Алексей Иванович Нерослов. Хороший был человек, вел себя отлично, одевался со вкусом, с воспитанниками был вежлив, одним словом — настоящий воспитатель, хотя педагогического образования не имел.

К августу мы стали жить заметно лучше. Я принял трех воспитателей, а старшим воспитателем была моя жена Елена Алексеевна. Она хорошо играла и по сей день играет на всех музыкальных инструментах, отлично пела и была прекрасным организатором и руководителем самодеятельности. И только поэтому мы в последующее время на районных олимпиадах занимали первые места все годы.

При активной помощи председателя Тополинского сельсовета Дмитриева Михаила Семеновича все, кто не являлся колхозниками, были мобилизованы на ремонтные работы домов, где располагались интернат, столовая, комната кастаньянши, баня, больница, клуб, изолятор и контора. Было организовано хорошее питание. Блюда имели очень высокую калорийность, из-за чего у меня было замечание от работников крайно.

По разнарядке района мы продолжали принимать помощь от колхозов и совхозов. И к осени 1936 года у нас было 32 лошади, 87 дойных коров, 93 головы молодняка крупнорогатого скота, 280 овец и 12 свиноматок.

Строительство и ремонт все лето шли полным ходом. С первых дней моей работы мной был принят завхоз Ештокин Михаил Алексеевич. Это был замечательный хозяин, отличный столяр и плотник, грамотный человек, который умел работать с народом, и воспитанники его сильно уважали.

Где-то в июле мы провели комсомольское собрание, а потом собрание с воспитанниками и решили наш детский дом назвать именем секретаря крайкома партии Эйхе Роберта Индрокевича. С выпиской из протоколов мы послали в райком партии секретаря нашей комсомольской ячейки Васю Березнякова, Васю Пономарева (ныне пенсионер, полковник, живет в Москве). В райкоме их встретили хорошо и сообщили Эйхе Р.И.. Мы тоже сообщили т. Эйхе и в сектор детдомов т. Токаревой. Через некоторое время мне сообщила Токарева: «Отлично. Эйхе Р.И. сказал, что когда будет Рясков В.Е. в Новосибирске, пусть зайдет ко мне». Я стал готовиться к этому. И мне в этом помогали в райкоме.

23 августа 1936 года я поехал в Новосибирск специально по этому вопросу. Заранее приготовлены были документы, в которых было написано, что нам требуется. С начальником НКВД Шишкиным мы прочитали их на два ряда, и он благословил меня на выезд.

Когда было получено сообщение по телефону из приемной, что т. Эйхе может принять меня, я поехал к нему. 27 августа 1936 года он принял меня. Принял меня хорошо. После моего рассказа о детдоме и о том, что нам необходимо, чтобы детдом работал хорошо, спросил «Почему Вы решили назвать имени Эйхе?». Я очень коротко ответил «Мы Вас считаем верным коммунистом. А как Вы воевали, нам подтверждают живые люди, которые с Вами воевали в революцию, и настоящей Вашей работой гордится весь народ края и страны. Просим Вашего согласия, чтобы наш детдом назывался именем Эйхе». Он мне ответил, что «Ваша просьба удовлетворена, и решение по этому вопросу в крайисполкоме есть». Я получил в крайисполкоме решение и на третий день меня вызвали из крайно в деткомиссию. Жена Громова (не помню ее имя и отчества) сказала «По вашей заявке для детдома отгружаем 2 вагона».

Мы получили койки на 150 человек, постельные принадлежности, столы, стулья, мягкие диваны, кресла, музыкальные инструменты, в том числе домру, гармошки, два баяна, балалайки, бильярд и много, много другого. По прибытию в Солонешное обратился к начальнику НКВД и он через райисполком организовал отгрузку этого груза на машинах и подводах от Бийска до детдома.

Тогда мы вздохнули, как говорят, во всю русскую душу, потому что такая большая работа была проделана за 3-4 месяца.

В этот год сеяли всего 25 гектаров зерновых, 15 гектаров овса и 10 гектаров пшеницы. У нас был большой огород – 4 гектара картофеля и 1 гектар разной мелочи. Сена пришлось заготавливать своими силами много – всего около 5 тысяч центнеров. На заготовке кормов работали почти все воспитанники, и много брали людей со стороны. Сено заготавливали выше «Дурнухи» по «Щебете» до «Боблайки» и «Баскановой горы». Посев был в «Оскате». К сенокосу у нас было 3 сенокосилки, 3 конных граблей, а всю мелочь (ручные грабли, вилы и волокуши) сделали свои плотники. На сенокосилках работали Коля Аксенов, Гриша Черноусов, Коля Семенов.

В этом же году многих ребят трудоустроили в районе и г. Бийске – Машу Акулову, Леню Зыкова, а в Новосибирске в ЦК швейников – Валю Манохину, Пашу Одинцову, Машу Курилову, в г. Рубцовске – Леню Кондрикова и его брата. Шуру Меренцеву оставили в детдоме. Хотя она должна была трудоустроиться, решили, чтобы она окончила 10 классов и работала в детдоме, так как у нее были хорошие способности работать воспитателем. Она у нас училась в Солонешном и жила на квартире. Ребята ее все уважали, и когда кто ехал в район, ей всегда везли хорошие подарки, а в выходной день за ней ездили воспитанники на закрепленных лошадях.

За воспитанниками Кошумбаевым Васей (Тукон), Зеленовым Петей, Комаровым Костей были закреплены лучшие

лошади «Буланка», «Серчик», «Космач», «Серко». В первый месяц моей работы все животные (лошади, коровы, телята, овцы, собаки) были закреплены за воспитанниками. Как они хорошо ухаживали за ними. Помню такой случай. Ко мне в контору прибежал Тукон (Вася Кошумбаев) в слезах и кое-как сказал, зачем пришел. Оказывается, на его коне, закрепленным за ним, приехал рабочий Лисицын Сергей. Так как конь был горячий и очень потный, по всей вероятности, он проехал на коне быстро. Я вместе с Васей пошел на конский двор разбираться по этому вопросу. Установили, что обвинения и требования Кошумбаева были справедливы, а Лисицыну было сделано внушение по этому вопросу. Таких случаев было очень много. Вот еще один момент заслуживает внимания. Это было весной 1937 года. Заболели два теленка. Бригадир из воспитанников Таня Василенко узнала об этом от телятницы, тети Поли Телегиной, сразу прибежала на телятник и стала спрашивать: «Почему не вызываете ветеринарного работника Попова?». Ей ответили, что его нет дома. Она быстро села верхом на коня и поехала в колхоз «Ордена Ленина» за ветеринарным работником. Ветеринарный работник Печенкин Е.З. отказывался поехать из-за своей занятости, но она сумела его упросить. Он приехал, оказал помощь, и телята были спасены. Когда я приехал, завхоз Князев Н.Н. рассказал мне о том, как Таня спасла телят. Любовь к животным у ребятешек была большая.

К концу 1937 года облик детского дома совершенно изменился. На районной олимпиаде мы третий раз заняли первое место. Детдом и ребята получили премии за свои номера. Плясунов у нас было много, но лучшими были Решетов Миша и Костя Комаров, а из девочек Лина Манохина и Нюра Зыкова. Песни лучше всех пел Миша Силкин. Когда он на олимпиаде пел песни «Спокойный ветер», «Про дикие степи», «Про широкие тайны морей», все были удивлены такому таланту. Аккомпанировал наш баянист Ячевский. Он был хорошим спе-

циалистом, вел с ребятами занятия. Они его очень уважали, как баяниста и как учителя. С домровым инструментом мы выезжали даже на митинги и другие торжества, которые проходили в нашем Топольном. Как это было хорошо и как поднимало настроение у народа и удивляло, что бывшие беспризорники так владеют музыкальным искусством.

Клуб у нас, сделанный из трех кулацких домов, был хороший, прекрасно оборудованный. В клубе были хорошие сиденья, сделанные ребятами в своей мастерской под руководством хорошего нашего столяра Черепанова. Была мягкая и полированная мебель, что по тому времени в сельской местности было редкостью, особенно в нашем глубинном районе. В клубе часто проводили чествования отличников учебы, а после этого обязательно был чай с душистым алтайским медом, который получали со своей пасеки. На пасеке воспитанники работали с пасечником Михаилом Алексеевичем. Старший из воспитанников Ваня Березняков чувствовал себя гордо, потому что дает такую приятную сладость, как мед. Ребята к нему относились с уважением, особенно малыши.

О добрых делах детского дома можно много написать. Но, были и трудности, над которыми нам приходилось работать. Подчас было очень трудно. Был один случай, который мы считали чрезвычайным. Из детдома сбежал Коля Харламов. На его поиски были подняты все. Только на четвертый день его нашли за селом «Белый Ануй». Нашел его воспитатель Вася Пономарев, который ранее был воспитанником нашего детдома. Для исправления такого дела пришлось много поработать. Однажды, ко мне приходит ночной дежурный воспитатель Паша Казарин и говорит, что в такой поздний час нет в интернате Нюры Евкиной, чего никогда не было. Стали искать. Нет ее нигде. Подняли весь персонал и общественность на розыск, который продлился до 6 часов утра. Положение создалось очень тревожное. И вдруг, ко мне подходит воспитатель Алек-

сей Васильевич Халтурин и говорит, что Нюра на месте. Оказалось, что она вечером, часов в восемь, зашла в медицинский изолятор, который был открыт. Там было все хорошо убрано, койки заправлены, так как у нас почти всегда в нем никого не было. Она посидела там. И в это время, неизвестно кто, закрыл изолятор на замок без ключа. Она там осталась и уснула. Мы подходили к этому изолятору, но зная о том, что он всегда закрыт, просто не посчитали нужным его открывать, а технички с фельдшером дома не оказалось. Техничка замок оставила, но не закрыла на ключ, вот Нюра и открыла дверь, зашла и давай там хозяйничать. А кто замок навесил неизвестно. А когда Халтурин потрогал замок, он оказался незамкнутым, и он открыл дверь. А Нюра спит на койке крепким сном. После этого много пришлось работать с коллективом и, особенно, с воспитательским составом.

Трудности и радости я слагаю вместе и о них помню всю жизнь. Своей гордостью всегда считал и считаю то, что много сделал для воспитанников детского дома. И если бы у меня жена не заболела, я бы долгие годы работал с этими государственными детьми. Из-за состояния здоровья жены меня перевели в район заведующим начальной школы и вечерней неполной средней школы. Очень многие бывшие воспитанники по сей день относятся ко мне с большим уважением. В первый год после моего ухода сменились три директора и меня стали обратно посылать, мотивируя тем, что об этом просят ребята. Я сказал, что если бы мог, то с большим удовольствием поехал бы. Дал в райкоме совет назначить директором воспитателя, бывшего воспитанника Васю Пономарева. Так они и сделали. И дела пошли хорошо, так как он знал в работе все мелочи. Сейчас Вася полковник в отставке. Его жена, Шура Меренцева, работала на Алтае в Угловском районе заведующей отделом пропаганды и агитации райкома партии, редактором районной газеты, а ныне работает председателем поссовета в

Железнодорожнике Московской области. В руководимом ей поссовете – 45 тысяч населения. Коля Глазунов работает главным бухгалтером РПС в «Быстром истоке», Ваня Гусев – заместителем главного врача в Солонешном, Шура Левкина – председателем РПС в Смоленске, ее сестра Марфуша – учителем средней школы, Халтурин – заместителем начальника милиции г. Горно-Алейска, Яша Лешин – посмертно Герой Советского Союза, Петя Зелонов – лейтенант, Миша Решетов – хороший художник, Гендельман Сережа – ученый и много, много других. Есть и такие, которые со мной проработали после окончания войны до 1970 года. Это Шура и Сережа Косочавы, Шура Маркионов, Вова Королев, Гриша Желонкин, Вася Гынгазов и многие другие. Этих детей я никогда в обиду не давал и они, эти государственные сыны, всегда находились на привилегированном положении. Иногда их защита была, может быть, и несправедливой, но я это делал, так как питал к ним особое уважение и перед каждым случаем защиты объяснялся в райкоме партии. И они со мной соглашались. Руководящие работники по каждому случаю моих ребят узнавали: «А, это воспитанники Ряскова». Детский дом запал мне в душу на всю жизнь и я о нем и о его детях помню и сейчас.

В Солонешном начальную школу и вечернюю неполную среднюю школу называли образцовой. В этой школе я проработал с марта 1938 по август 1939 года. Работа в школе всегда интересная. Большинство ребят в моем 4-ом классе были детьми начальства районного масштаба, а в вечерней школе было много руководящего состава района. Работа – хорошая, но мне после моей любимой работы в детском доме, откровенно говоря, это было не то, что нужно моему характеру. Школе оказывали помощь районные организации. Особенно хорошо помогал председатель Солонешенского сельсовета Дмитриев М.С.. Ранее мы с ним работали в Топольном. Во время моей работы в детдоме я все время был членом президиума сельсо-

вета и всегда замещал его по работе. Он, зная мою ответственность в общественной работе, приблизил к работе в сельсовете колхозов и всегда на деле я оправдывал все поручения.

Весь учебный процесс в школе был организован хорошо, так как все учителя имели педагогическое образование. В школе было девять учителей. Лучшими из них были Нина Васильевна Квасова, которая в 1938 году была награждена Орденом Ленина, Нина Николаевна Данилова, моя жена Елена Алексеевна Ряскова.

Весной 1939 года на учительском совещании учителей района заведующий РОНО Сидоркин Николай Григорьевич свое выступление посвятил итогам учебного года на примере нашей школы, так как она являлась передовой школой района по учебной и воспитательной работе. За хорошую работу многих учителей премировали ценными подарками, а мне была выдана Почетная грамота и 300 рублей денег.

В Солонешенской школе были очень хорошие учащиеся, так как, можно сказать, у всех были хорошие условия жизни. Хорошая успеваемость была почти у 100 % учеников. Помню лучших учащихся моего 4-го класса: Валю Коробейникову – ныне врач, Сашу Айдарова – инженер, Вову Шапченова – конструктор, Валю Закавряжина – агроном и многих других. Многие по сей день работают в сельском хозяйстве.

В этом 1939 году меня назначили на работу директором Сибирячихинской средней школы. Мое прибытие преимущественное большинство учителей, а их было 35 человек, встретили вполне удовлетворительно.

В летний период работу я начал с хозяйственных дел – ремонта школ, а их было шесть помещений. Все школы находились на некотором расстоянии от центральной школы. Ремонтные работы хорошо проводил завхоз Бурыкин, который был пожилым человеком, хозяйственным и, самое главное, умелым. До начала нового учебного года все было пригото-

но: приобретено большое количество учебных наглядных пособий, организован транспорт для подвозки дров из Мульчиhi на шести подводах, купили шесть телег на железном ходу при помощи райисполкома, что по тому времени было большим богатством. За летнее время мы обеспечили дровами школы и учителей, чего многие годы не было. Мной был отозван из отпуска завуч школы Сергей Михайлович Слизков. Правда, он на это пошел с неохотой, но пошел. Вся работа школы, и учебная, и воспитательная, была спланирована, школа укомплектована учителями. До учительской конференции каждый учитель и классный руководитель все имел для начала занятий. В последующие дни перед конференцией заведующий РОНО Заварыкин Григорий Павлович проверил готовность школы к учебному году и приказом по РОНО объявил благодарность за готовность к учебному году.

Работать в школе пришлось только сентябрь, так как меня, завуча, учителя Гордиенко Вениамина Михайловича и еще 6 учителей взяли в ряды Советской армии. В рядах Советской армии мне пришлось служить с октября 1939 года по апрель 1942 года. В этот год у нас из района, как и по всей стране, по указанию правительства были взяты все, кто имел отсрочки от призыва в армию. Долг каждого гражданина нашего государства служить в рядах Советской армии. В этот год были призваны учителя, врачи, агрономы, инженеры, зоотехники, даже 1910 года рождения.

По пути следования от г. Бийска до места службы г. Читы-II мы ехали очень долго, так как наши товарные вагоны простаивали очень подолгу на станциях. Несмотря на то, что в вагонах находилось очень много человек, мы сами топили железные печи – буржуйки, на остановках ходили за питанием на кухню, которая находилась в нашем эшелоне, изыскивали для отопления уголь и дрова, мыли в вагонах полы, и все-таки

чувствовали себя весело. Пели песни, плясали. Были у нас гармошки, балалайки, гитары.

На место службы прибыли на 17-ый день. В 3 км от станции Антипиха среди чистого поля нас встречало большое количество командного состава. Командир дивизии полковник Эрастов был на сером коне. Когда все прибывшие в ряды Советской армии вышли из вагонов эшелона, первая команда была: «Всем, кто имеет среднее и высшее образование, остановиться у стоящего столба, а тем, кто имеет 7-8 классов образования, пройти вперед до каменной плиты, а остальным – стоять на месте». Когда мы пошли к месту назначения до этого столба, была подана снова команда с повторением, что «идут сюда только с высшим и средним образованием», а мы ответили, что «мы русский язык знаем и команду поняли правильно». А оказывается, что вторую команду приказал подать полковник Эрастов, так как для него это было большим удивлением, что пополнение прибыло с таким образованием. Потом, месяца через два, он у нас в полку выступал на комсомольском собрании и говорил, как его удивило, что прибывшие в ряды Советской армии были с таким образованием. В выступлении он вспомнил свою службу в армии в первые годы нашего государства. У них в дивизии был только один красноармеец со средним образованием, и он ведал сектором ликвидации неграмотности, так как почти все красноармейцы были неграмотными. А те, кто имел 3-4 класса образования, были ликвидаторами неграмотности и культармейцами.

После прохождения курса обучения одиночного бойца я был зачислен в полковую школу и в школе пробыл до половины января 1940 года. Потом был сформирован добровольный особый лыжный партийно-комсомольский батальон из нашей 93 стрелковой дивизии. Во время формирования батальона и по пути следования на финский фронт все ребята были очень воодушевлены и довольны посылкой на фронт. В период фор-

мирования батальона работала мандатная комиссия, а поэтому отбор был тщательный и строгий. От Читы до Ленинграда, то есть до станции «Лебяжьей» ехали с большой скоростью, так как нашему эшелону была предоставлена «зеленая улица», и поэтому наш путь продолжался четверо суток с несколькими часами. Помню вечером, часов в десять, мы прибыли на место назначения и до утра все было разобрано и размещено по всем воинским правилам. Утром нас было отобрано 23 человека, в том числе один командир второй роты, лейтенант Ковалев Ефим (отчество не помню, потому что я был на двух войнах, дневников не вел, так как у меня всегда для этого времени не хватало, а поэтому без записи трудно все помнить), политрук Вялков, комиссар батальона Постуменко и сам комбат, старший лейтенант Амельченко.

Цель наша была – проверить путь следования через финский залив до первого, уже финского села, стоящего на другой стороне. Все мы были поставлены в курс, что финны при отступлении и эвакуации населения свои села сжигали, желая нас этим самым запугать. Но, в этом белофинны просчитались. В шесть часов утра батальон пошел через финский залив. Расстояние до близлежащего села было 20 км. Когда зашли в село, то увидели только оставшиеся печи и трубы. Некоторые солдаты удивилась этому, но предварительная работа оказала свое правильное влияние и все недоразумения были рассеяны. При возвращении в батальон нам было ясно, что за наше отсутствие в течение дня все было готово для движения вперед.

За все время фронтовой жизни, а она у меня продолжалась до утра 13 марта 1940 года, один раз нам пришлось ночевать в школе, когда белофинны не стали успевать сжигать свои дома, торопились убежать от нашего сильного наступления и один раз в сарае с сеном. Вот тут мы сумели переобуться, побриться и свободно вздохнуть.

Бои были очень сильными. Линия Маннергейма была здорово укреплена. Доты, дзоты были железобетонными и с большими козырьками. На каждую опушку леса были завезены большие камни – валуны высотой от 1-го до 2-х метров. И когда приходилось, а приходилось все время, выходить на опушку леса со стороны озер или болот, они сильно били из этих укрепленных мест из всех видов оружия, в том числе снайперских винтовок. А снайперы у них действовали здорово. Снайперы и те, кто бил со всей линии этого Маннергейма, были солдатами отдельной выучки. Своими укреплениями, имеющимся оружием, хорошо подготовленными воинами они нам оказывали большое сопротивление. Несмотря на все это, мы их заставили сначала бежать, и даже с населением, и оставлять все свои пожитки. Они надеялись на свою линию Маннергейма и союзников, которые им помогали ее строить. Эту линию до начала войны приезжал просматривать Гитлер и сделал одобрение, что им было лестно. Но, он и они просчитались.

Нашему батальону приходилось сражаться с белофиннами в местах, удобных для них, и каждый раз мы их выбивали из этих удобных мест. В первом, очень жарком бою, был ранен командир роты Ковалев и комбат Амельченко. Принял на себя командование батальоном младший лейтенант Зверев. Это был очень живой, знающий хорошо военное дело командир, который умело командовал. Мне в этом бою пришлось возглавлять во 2-ой роте минометный взвод. За эту ночь, нужно сказать, боевую мы продвинулись вперед на приличное расстояние и дали почувствовать финнам, с кем они вступили в войну. Мне пришлось видеть, как сошлись врукопашную старшина из 51-го полка, который был в нашем батальоне (не помню его фамилию) и белофинны. Он убил 3-х белофиннов прикладом винтовки СВТ. Когда его политрук Вялков спросил: «Почему ты их бил, а не стрелял?», он ответил: «Мне все равно, лишь бы убить этих гадов».

В одном из боев около села (название не помню) мне и красноармейцу Латкину, который был нашим земляком и до армии работал секретарем Тумановского сельсовета, было поручено немедленно уничтожить вражеское пулеметное гнездо, находившееся недалеко от нас. Мы этот приказ выполнили. Были убиты 4 белофинна, которые били в нас из двух пулеметов, и разрушен дом, наверху которого находилось это пулеметное гнездо.

И вот прошло много лет после войны с белофиннами, но первая смерть, с которой мне пришлось столкнуться в рукопашной схватке, помнится и сейчас. А в первые месяцы после этой финской компании вообще от видения этой сцены покоя не было. Не помню сейчас ни той деревни, ни времени, но помню лишь лицо того рослого, молодого, красивого белофинна, который бежал прямо на штык, видимо, уверенный, что русский не выстрелит, а он сумеет его завоевать и укротить. Тогда мне показалось, что штык-нож у моей винтовки вошел в тело без его ведома. Я видел, как судорога исказила холеное лицо, как потухли дотопе горевшие живым пламенем глаза, и могучая, ладная фигура человека превратилась в неодушевленный, крючкообразный предмет. Враг умирал, а я стоял рядом и переживал его смерть, отвергая ее всем сердцем, как и саму войну.

Много наших ребят из батальона дрались, как положено воинам Советской армии. Это и наш земляк Иван Александрович Кубышкин, бывший математик Солонешенской средней школы, Паша Новоселов из села Александровки, Марк Васильев — бухгалтер нашего РОНО и много других. Помню красноармейца Власова из села Иванова, учителя до армии, который дрался очень хорошо. И когда ему оторвало снарядом ногу, ранило осколком в живот, он умирал и пальцем показывал вперед, а сам говорить не мог. Как тяжело было прощаться с таким хорошим товарищем.

В ночь на 13 марта был сильный бой, но мы продвигались вперед по селу. После небольшой передышки поднялся вновь большой бой и меня, примерно часов в 9-10 утра, ранили в руку, спину и контузило. Когда я был доставлен в санчасть, мне сделали перевязку, уколы, дали лекарство, от чего стало лучше, и я вспомнил, что мне нужно передать документы. Пришел человек из особого отдела, которому я сказал, чтобы он забрал документы. Так и было сделано. Он мне сказал, что сейчас, в 12 часов дня, война окончится. Это мне было понятно. Так и было. Все сразу затихло. Представитель особого отдела, когда забрал служебные документы, положил мне в карман акт об этом, и я этот акт обнаружил через 20 дней в госпитале в г. Ржеве.

В госпитале мне пришлось лежать порядочно долго, после чего мне был представлен отпуск.

Во время отпуска дома, в своей деревне Сибирячихе, откуда я был взят в армию, все время находился с народом. Проводил беседы с учителями и учащимися, ходил по бригадам колхозов с различными поручениями и даже приступил к своей прежней работе директора школы. На учительской осенней конференции делал доклад «Семья и школа».

После начала учебного года меня взяли опять в армию и направили в свою часть, в которой служил, как нестроевика. А к этому времени был приказ наркома обороны о том, что все «нестроевики, имеющие среднее или высшее образование, проходят службу при штабах воинских частей».

В свою часть прибыл в конце сентября 1940 года. Ребята и командование меня встретили хорошо. Определили меня на работу в финчасть писарем. В финчасти полка пробыл месяца два, а потом перевели в спецчасть полка. Работа, правда, была большая, но время свободное было. И я определился заочно учиться в Читинский пединститут на исторический факультет

и одновременно в дивизионную партийную школу, что мне помогло учиться в институте.

За 2 сессии в институте я сдал за 2-ой курс все дисциплины. К летней сессии у меня были сданы несколько дисциплин, потому что от воинов в институте принимали экзамены и зачеты в любое время. 21 июня 1941 года началась сессия и мы с Анисимовым, директором Булатовской неполной средней школы, с которым вместе учились на одном факультете в институте, получили дотпаек на месяц, на период учебы. А 22 июня был выходной день и после обеда мы услышали речь Молотова В.М. по радио. Мы в это время только легли на «сон час» и нам было непонятно, что передают, потому что передача по радио была очень «глухая», но то, что «слушайте речь т. Молотова», это разобрали. У нас быстро пошли догадки, о чем идет речь. Я сразу дал ответ: «Или чрезвычайный съезд, а скорей всего война». Быстро раздалась по всему расположению наших летних лагерей сирена, и ее душераздирающий звук поднял весь личный состав по тревоге. Меня сию минуту вызвали в штаб, так как из штаба дивизии был доставлен пакет серии «К». К этому времени к нашему штабу подъехал начальник политотдела и сказал командованию: «Пошли проводить митинг в полку». По пути следования на митинг мне батальонный комиссар, комиссар полка сказали, что я должен выступить на митинге, и я ответил, что «мне ясно». Когда поднялись на небольшую возвышенность командир полка подполковник Черник, комиссар полка, батальонный комиссар Коровкин, начальник штаба капитан Седых, политрук Никитин, то начальник политотдела старший батальонный комиссар (забыл его фамилию) сказал о нападении на нашу страну гитлеровской Германии. Конечно, была дана полная, со всей ясностью характеристика фашизма и его целей в войне с нашей страной. В своем выступлении он сказал наши задачи и что нам нужно делать для их выполнения, какая с сегодняшнего дня

должна быть перестройка в армии. Он хорошо говорил, просто, доходчиво до каждого. Во время выступления начальника политотдела у меня сразу появилась мысль, что нужно сказать о своем отношении к этому вероломному нападению Гитлера. В конце моего выступления было сказано: «Служу я Родине прекрасной под лаской мудрого отца. Быть храбрым, честным командиром клянусь Отчизне до конца». Конечно, мне очень хорошо аплодировали. «Вот это правильно» — повторил наш курсант дивизионной партшколы. Он меня знал, так как был у нас в дивизионной партийной школе преподавателем.

Жизнь в нашем полку закипела еще боевей, и весь личный состав стал гораздо дисциплинированной, хотя и до этого дисциплина в воинских частях была очень хорошей, так как к этому призывал приказ наркома обороны Тимошенко «О внешнем виде красноармейца и командира, о самовольной отлучке из расположения» и новый дисциплинарный устав. В частях усилилась политико-воспитательная работа.

Через 2 дня комиссар Коровкин у меня спросил, почему я не на сессии, а я ему ответил, что «теперь не до этого». Он мне приказал немедленно выехать в г. Читы в пединститут на сессию. По окончании сессии я ему доложил, что окончил 2-ой курс исторического факультета пединститута, и он сказал о том, что я буду на политработе. До начала войны, примерно за месяц, все работники штаба нашего полка срочной службы, в том числе нестроевики, которые проходили службу при штабах, должны были в последний год службы сдавать экзамены, после чего им присваивали звание «техник интендант 2-го ранга». Нас, писарского состава, было в штабе 17 человек. Все сдали экзамены, как положено. Приказ о присвоении званий был по ЗабВО, но дела были направлены в Наркомат обороны, для утверждения. В июле наша дивизия с Читы-II, станции Антипихи была переброшена на станцию Харанор, где мы находились до момента выезда на фронт. Мне эта станция, рас-

положение нашего полка, все места хорошо запомнились, так как мне по долгу службы приходилось бывать во всех воинских подразделениях.

1 августа 1941 года на партсобрании я был принят кандидатом в члены партии. Рекомендации у меня были очень хорошие. Из Солонешного, где я жил и работал, были рекомендации от Бурыкина Филиппа Тимофеевича – работника нашего райкома партии, от Данова (не помню имя и отчества) – работника парткабинета нашего штаба полка, очень хорошего человека и коммуниста, от Вялкова – нашего политрука, с которым были вместе на финской войне, от комсомольской организации и характеристика. Вялков к моей характеристике приложил мое заявление о вступлении в партию, которое мной было подано на фронте с белофиннами и в котором говорилось, что «если я буду убит, считайте меня большевиком». После зачтения моей анкеты, характеристики и заявления с финского фронта вопросов ко мне не было. Командир генерал моей дивизии, который присутствовал у нас на собрании, первый внес предложение «принять т. Ряскова кандидатом в члены партии». Голосование было единогласным.

Штаб нашей дивизии находился в Хараноре, а месторасположение нашего полка – не очень далеко от него. Местность была без единого кустика, и поэтому ее называли «долиной смерти». Она была богата тарбаганами и небольшими перевалами. Мы пробывали там не очень долго и выехали на фронт. В период следования по Сибири почти не чувствовалось войны, а когда поехали по европейской части нашей страны уже было видно военное положение. Эшелоны шли с эвакуированным населением, различными грузами, но трудно было разобрать какими.

Первое наше расположение было за Москвой по направлению к г. Подольску. Трудно вспомнить число, но в октябре, когда наш полк следовал через г. Подольск, в головной ко-

лонне шел штаб полка и 1-ый батальон. И только мы, очень небольшое количество колонны, шли через мост. Несколько немецких самолетов налетели, и стали очень активно бомбить по нашему направлению. От этого было разрушено несколько домов по левой стороне от моста по течению реки. Бомбили очень сильно. От воздушных волн после разрыва снарядов лошади, которые были впряжены в повозки, упали на колени, не говоря о людях, которые шли в колонне полка. Самолеты были отогнаны, и один из них был сбит красноармейцем Склизковым Сергеем Михайловичем из подразделения 76 м.м. батареи. Это, безусловно, подействовало на немецкие самолеты. И когда наши самолеты подошли, еще было сбито 3 немецких самолета.

По окончании бомбежки во время пути в городе ко мне подошел красноармеец Климов Виктор Вениаминович, писарь одного нашего подразделения полка, уроженец г. Бийска и стал просить меня в своем заявлении, чтобы комсомольское бюро дало ему рекомендацию для вступления в кандидаты в члены партии. Я сразу на ходу созвал бюро, и его заявление было разобрано и просьба удовлетворена. Через пять-шесть часов мы были в доме отдыха «им. Тельмана». У Климова В.В. все документы на прием в ряды партии были оформлены и переданы политруку Никитину, который был секретарем партбюро нашего 125 стрелкового полка.

Таких патриотических случаев было много, но хочется еще об одном написать. Это было на финском фронте. Красноармеец Гордиенко был тяжело ранен, у него двумя пулями была прострелена насквозь грудь. Когда мы с политруком Никитиным подошли к нему, он сразу спросил, как решился вопрос о приеме его в ряды партии. А когда ему ответили, что вопрос решен положительно, он заметно повеселел.

Патриотический дух, настрой у наших воинов был неизмерим. В нашем полку был писарь Федоров Александр Ивано-

вич, который до армии работал учителем, заведующим начальной школы села Кокши Грязлухинского района. Точно вспомнить трудно, но в конце последней пятнадцатки октября 1941 г. он пал в бою смертью храбрых. Его на передовую линию огня никто не посылал. Штаб находился в обороне 2-го эшелона. Он самовольно пошел на передовую линию огня, где сражался первоклассно. Мне рассказывал красноармеец Кубышкин, что на его глазах он уничтожил пулеметный немецкий расчет и у наших появилась возможность продвинуться вперед. Каким он был хорошим человеком, умным, культурным, грамотным, в обращении очень вежливым, но принципиальным беспартийным большевиком. У него, по его рассказам, было двое детей (сын Саша, а имя девочки не помню) и жена, которая работала техничкой в той школе, где работал и он. Мы вместе работали в штабе, жили в казарме, и мне кажется, что не было дня, чтобы он мне и другим товарищам не рассказывал хорошо о своей супруге, как об очень хорошей матери, хозяйке и жене. Как он любил семью, сказать невозможно.

Можно много об этом писать, так как все воины личного состава являлись патриотами нашей Родины.

В эту первую и последнюю ночь, которую мы пробыли в доме отдыха, конечно, там отдыхающих не было. Мне пришлось выполнять боевой, срочный приказ, но он был закодирован. И его нужно было быстро заучить на всякий случай, а к этому у меня был определенный навык. Командованием была поставлена задача — доставить пакет в штаб дивизии. А она располагалась в г. Подольске. Подольск пришлось только раз видеть по пути следования, но была карта города и месторасположения штаба дивизии. Сведения, которые нужно было передать, а они были из других больших подразделений, я получил при встрече с данными лицами, которые и передали их. Связи в эту ночь не было по причине, мне неизвестной. Ко мне был послан один лейтенант, но он быстро вернулся, так как

дорогу на Подольск сильно бомбили с немецких самолетов, а лесом он проехать не сумел. Это создало еще дополнительную срочность в доставке пакета. Я попросил командира полка, старшего оперуполномоченного особого отдела дивизии, который находился у нас в полку, и комиссара полка дать мне для сопровождения Ивана, который у нас в полку выполнял эту работу и справлялся очень хорошо (а вот фамилию сейчас забыл, хотя все годы помнил ее). Лошадей по моей просьбе дали хороших: одну серую, на которой ездил командир полка, и вторую, которая попала в полк из колхоза, когда мы находились в Хараноре. К верховой езде я приучен с детства, Иван тоже этим владел, как надо. Лесом, тропами нам пришлось проехать 3-4 км. Когда выехали на тракт Москва-Малоярославец, его бомбили, а поэтому нам пришлось ехать опять лесом по бездорожью. Хоть мы ехали по бездорожью, но так как кони были иноходными, непугливыми, до Подольска доехали быстро. Только одно маленькое препятствие было, с которым я быстро справился, и наши кони не испугались. В городе я быстро сориентировался, так как при въезде в город от двух столбов стало ясно куда ехать. После этой явки меня сопроводили, а Иван остался с лошадьми и, конечно, под определенной нашей охраной из дивизии. При моем появлении в штабе, где в ночное время работа шла полным ходом, встретил меня один старший лейтенант из спецчасти, которого я знал, и я вытащил пакет серии «К», показал ему, и мы прошли до кабинета, где он работал. После передачи пакета моментально об этом узнало командование, и на встречу вышел полковник Медведев. Он спросил, как я добрался. В ответ получил «хорошо». И он обратил внимание на мою рукавицу, которая была прострелена, и сказал: «Я вижу по твоей рукавице». После очень короткой беседы, а она проходила 2-3 минуты, он мне выразил большую благодарность за выполнение приказа и сказал: «Ты

очень большое дело сделал». Приказал меня переодеть, что и было сделано прямо в штабе.

Обратный путь был немного потрудней. Но нас облегчало то, что с нами нет никакого документа, а устно было передано о нашей дислокации с указанием времени, пути следования и места прибытия.

В первый бой наш полк вступил за деревней Каменка, а путь следования от дома отдыха продолжался почти сутки, так как шли медленно. Мне пришлось в эту Отечественную войну находиться на передовой до 28 октября, а ночью 29 октября был ранен и контужен, но находился на своих ногах и даже оказывал помощь добравшись до медицинской части полка нашему начальнику медицинской службы полка (забыл его фамилию, еврей), так как он был тяжело контужен. В медицинской части после оказания помощи мы пробыли до утра, а утром были доставлены к месту эвакуации раненых в тыл. Рядом находился штаб нашего полка и ко мне прибежали наши ребята. Через несколько минут прибежал оперуполномоченный Ширяев и сказал мне, что «сейчас тебя отправят на машине командира полка до Подольска». Так было и сделано. Сопроводил меня до Подольска коновод командира полка Волков.

Все дни боев для меня лично были очень жаркими, потому что я был и остался до старости лет человеком темпераментным, преданным делу партии до конца своей жизни. Для меня являлось всю жизнь и, особенно, на фронте выполнение приказов первостепенной задачей, и я всегда их выполнял. В моем понятии было и осталось непонятным, как можно не выполнить приказ или в гражданских условиях план, который был мне дан на любой хозяйственной работе.

В эти грозные фронтовые дни мне приходилось командовать сборным небольшим подразделением, взятием деревни «Горки» и в жаркой схватке одного немца заколоть штыком и двух в упор убить из винтовки, быть у руководства загради-

тельной зоны, брать, пытающегося сделать перебежку к немцам, старшего лейтенанта командира роты из 1-го батальона Бабасюка (он был из переменного состава, работал до войны в Наркомпросе Бурятской автономной республики) и делать с ним расправу по нашим законам военного времени. В это время в нашем полку был полковник Медведев, начальник 3-ей части дивизии, который когда встретил меня, сказал: «Дела т. Рясков у тебя идут хорошо». Много приходилось выполнять боевых приказов и, не считаясь ни с чем, доводить выполнение каждого приказания до конца. Много можно было бы еще приводить примеров боевых эпизодов схватки с фашистами, но считаю этих достаточно, так как они все аналогичны в боевой, фронтовой жизни.

Когда меня отправляли в Подольск на машине командира полка, наши ребята из штаба полка все провожали. До города меня сопровождал адъютант командира полка Волков (имя забыл). В Подольске в эвакогоспитале после принятия лекарств и уколов мне стало плохо. Как доставили на вокзал для отправки в тыл, как бомбили вокзал в Подольске, как ехали до Москвы, как бомбили вокзал в Москве и как в Москве доставили до госпиталя, помню плохо. После принятия срочного лечения и приведения в порядок к утру стало лучше. На второй день нас отправили из госпиталя Москвы в госпиталь г. Владимира. До него мы ехали тоже очень долго, но немного быстрее, чем от Подольска до Москвы. Наш путь продолжался целую ночь. Во Владимирском эвакогоспитале находились двое суток, а потом были отправлены в г. Фрунзе, где я пробыл почти 5 месяцев и был выписан со снятием с воинского учета. Встреча нас в Киргизии была исключительно теплой. Был мобилизован весь городской легковой транспорт для перевозки нас от вокзала до госпиталей. В госпиталях прием, лечение, питание и уход были, как за детьми, очень хорошими. В госпитале в г. Фрунзе к концу второго месяца уже имел партийное

поручение, а через два месяца меня перевели в госпиталь, который находился в правительственной даче республики. Там я уже проводил политинформации с ранеными и медицинским персоналом. Воспоминания о госпиталях Киргизии остались у меня на всю жизнь очень хорошие. Медицинский и обслуживающий персонал был замечательным, работали много, умело, а самое главное преданно, стараясь в тылу ковать победу. Раны мои заживали хорошо, а глухоту и заикание лечили долго, но к марту 1941 года со слухом и речью стало почти нормально. Партийная нагрузка в госпитале меня хорошо подбадривала, а в начале января 1942 года получил письмо о том, что меня наградили Орденом Боевого Красного знамени и одновременно сообщение из дома и копию письма, полученного моей женой из моей воинской части, где служил и воевал. Вот это хорошо подействовало на мое выздоровление.

Письмо

Действующая Армия

Уважаемая Елена Ряскова!

Бойцы, командиры и политработники нашей части, в которой служит Ваш муж Василий Ефремович, шлют Вам, боевой подруге боевого командира Красной Армии, пламенный красноармейский привет!

Елена Ряскова! Ваш муж в боях с немецкими захватчиками показал себя настоящим советским патриотом, которому дороги интересы своей Родины, честь и свобода советского народа. В течение всех боев с гитлеровскими бандами показал себя мужественным и бесстрашным командиром нашей Родины, презирая смерть, беспощадно уничтожал фашистскую свору. Боевыми подвигами Вашего мужа гордятся все бойцы и командиры. Партия, правительство и любимый наш Сталин высоко оценили боевые подвиги Василия Ефремовича перед Родиной. Он награжден орденом «Красного знамени». Гордись

Вашим мужем, мы сердечно поздравляем Вас с высокой правительственной наградой, полученной Василием Ефремовичем.

Мы вместе с Вашими родителями разделяем эту радостную весть и надеемся, что Василий Ефремович будет также уничтожать фашистов до полного уничтожения.

Ваш муж в жаркой схватке с врагом был ранен, сейчас находится на излечении в госпитале.

Крепко жмем Вашу руку, Елена Ряскова и желаем успехов в Вашей жизни.

Генерал-майор /Эрастов/
Полковой комиссар /Сергеев/
Бригадный комиссар /Дружинин/

«3» декабря 1941 года

После госпитального лечения в марте прибыл в свой родной, всегда любимый за климатические условия, его богатство в промышленности, сельском хозяйстве, замечательный и работающий народ, Алтай. Приехал в наш глубинный район Солонешенский, где я провел всю свою трудовую жизнь, где работал последнее время до армии.

Встреча дома, общественностью села и района была хорошей. В первой беседе при встрече моя мама и жена рассказали, как они себя вели и что чувствовали после получения письма о моей награде. Мама не давала открывать, а жена тоже боялась, что в этом письме пришла похоронная, так как конверт был с правительственным штампом. После долгого раздумья, советов посторонних нашему дому, решили вскрыть конверт письма, а когда стали читать, конечно, от большой радости все заплакали и моя, всю жизнь милая, хорошая, дорогая, всего дороже, что у меня есть, дочка Алечка. Ей тогда было 5 лет, а она все понимала, так как она с детства и до сего времени

обладает аналитическим умом. Сейчас она имеет 2 высших образования – окончила Московский пушно-меховой институт, товароведческий факультет и Горно-Алтайский педагогический институт. Работает в средней школе биологом. Учитель в полном смысле слова. Имеет правительственные награды, не говоря об отзывах общественности города и родителей. Замечательная мать, культурная, образованная, вежливая, справедливая и очень общительная с народом. В городе снискала к себе большое уважение со стороны населения. В городской газете «Ленинский путь» можно часто видеть подвальные статьи о ее работе в школе, как лучшем педагоге города, как партийном работнике и как хорошем организаторе внеклассной работы с учащимися. Территория школы озеленена, теплица школы для выращивания цветов и овощей, самая лучшая в городе и Усольском районе. Она с 7-летнего возраста была первой помощницей бабушке и маме в доме. На всех сельскохозяйственных работах в совхозе работала в ряду с рабочими все каникулярное время, начиная с 1-го класса до окончания института. Все домашние и совхозные работы знает отлично, так как с детства их изучила и трудилась над их выполнением.

После прибытия из госпиталя, дома отдыхал максимум два-три дня, а потом пошел в школу к учителям и учащимся. Одним словом, находил себе занятость, так как без дел, особенно, общественных, я никогда не мог, и это осталось в моем характере до сегодняшнего дня. Участвовал в подготовке и проведении партийных, комсомольских собраний села, совещаний сельсоветов и агитколлективов. По закону того времени я должен был занять свою должность, работу директора школы. Но я это делать отказался, так как директором школы работала эвакуированная из г. Калинина Тимошевская, и мне ее обижать просто совесть не позволила. Работала она в школе хорошо, и ею были довольны учителя, учащиеся и вся общественность села.

По моему личному желанию партийная организация, сельсовет с удовольствием дали согласие на работу избачом и ведущим клубом. Хорошо помню, как был доволен этим председателем сельсовета Панин Константин Федорович, который был человеком справедливым, сугубо партийным, очень честным и уважаемым народом. Доволен, потому что ему от моей работы будет большая помощь, а работы в этот период было особенно много, и нет смысла перечислять ее, так как каждому понятно, сколько война нам добавила дел, забот и других разных хлопот, на которые в мирное время не обращалось внимание. А теперь нужно было доходить до каждой мелочи, и он был особо заботливым человеком, который всегда хотел делать и делал, как лучше для людей. Это у него получалось.

И вот, в один день я стал принимать работу избача и ведущего клубом. Только было просмотрено расположение библиотеки, клуба и имущества, прибегает из сельсовета человек и сообщает, что меня срочно секретарь райкома партии Крючков и председатель сельсовета Котенев просят к телефону. Первый вопрос мне: «Как вы отдыхаете?». Я сказал: «Нет времени отдыхать. Принимаю работу» и сообщил, какую. Они мне изложили свою просьбу: «Работу нужно прекратить принимать, а завтра просим приехать в райком партии. Райком и райисполком решили направить Вас на работу директором Маралосовхоза, только требуется Ваше согласие». Меня, конечно, это удивило, так как я в совхозе никогда не работал. Было решено, что я должен явиться в райком для переговоров. До отъезда в райком по вопросу о посылке меня на работу директором Маралосовхоза, мои домашние (мать и жена) были против, но ехать нужно было. В райкоме разговор продолжался коротко. Председатель райисполкома Котенев рассказал о моей работе в школе и, особенно, в детском доме. Он меня знал лучше всех членов бюро. Говорил, что я «руководил детдомом хорошо, а хозяйство было там как большой колхоз», и

вспомнил наш разговор, который был у нас после просмотра хозяйства в конце 1937 года. Тогда он сказал: «Тебе т. Рясков работать в детдоме тесновато, в райкоме будем решать». После его короткого выступления говорила Руфина, зная меня по комсомольской работе. А в заключение секретарь райкома Крючков сказал, что бояться этой работы не следует, зачитал из газеты письмо с фронта моей жене и продолжил разговор: «На фронте Рясков ты ходил в смертельные схватки и не робел, а здесь дела пойдут. Мы поможем, войну окончим, пошлем учиться». Меня спросили мое мнение. А что я мог ответить?

Когда они мое согласие получили, и мы вышли с бюро, нас уже ожидал начальник политотдела совхоза Шаврин и заместитель начальника политуправления оленетреста Шилов, которые сразу осведомились о решении вопроса о моей работе. Шилов мне вручил письмо из Алтайского крайкома партии о том, что я должен явиться в крайком на совещание директоров совхозов по вопросу весеннего сева. Меня такая быстрота решения сначала удивила, а когда посмотрел на дату отправки документа из Барнаула, то увидел, что письмо отправлено 3 дня назад. В военное время так и решались вопросы в партийном стиле руководства, а иначе нельзя было. Шилов, следуя в райком для решения вопросов, попутно захватил заводного коня для меня. Я попросил в райкоме захватить домой и сказал: «А завтра буду в совхозе». С этого момента началась моя директорская жизнь – с 6 апреля 1942 года и по июнь 1953 года.

Все хорошо помню и по сей день. Как приехал в Маралосовхоз, сразу попал на общее собрание рабочих по вопросам о готовности к севу и проведению на следующий день пробного выезда на сев. В своем выступлении по этому вопросу я говорил о целях и задачах коллектива, предложил внести изменения по общественному питанию, чтобы все рабочие получали хорошую, горячую пищу 3 раза в день, а бухгалтерам

о необходимости пересмотреть оплату за питание в сторону уменьшения, так как чувствовалась завышенность цен (выше себестоимости) продуктов. После собрания нашлось большое количество рабочих, в прошлом знакомых.

В день пробного выезда Шилов мне сказал, что он уже переговорил с трестом и приказ о моем назначении будет через 3 дня. Он попросил меня, чтобы я немедленно вступил в права директора. Так и было сделано. После проверки готовности к севу я провел совещание с руководящим составом совхоза и высказал свои замечания, установил срок исполнения. Чувствовалось, что это мое приказание некоторой части начальства не так понравилось, как установка по вопросу питания на первом собрании.

На весеннем севе дела шли вполне удовлетворительно. За определенными участками работы были закреплены старики, как инспекторы по качеству, которые учили женщин пахать и выполнять другие работы, так как до этой весны эти работы выполняли мужчины. Старики – рабочие Маралосовхоза Котенев, Квачев, Рекстин, Нагибин, Потыльцев, Медведев, Прокопьев и другие все годы у меня были как боевой штаб. Через них все мероприятия проводились в жизнь. Для них были созданы условия в работе, за каждым закреплена лошадь, зимняя и летняя упряжь, им было дано право по приему и браковке работ. Первый весенний сев был окончен первыми в районе и тресте. В этом большая заслуга наших стариков, которые работали, не считаясь со временем и своими личными, домашними делами. Они даже были хорошими агитаторами в мобилизации рабочих для выполнения всех заданий. В первые дни знакомства с хозяйством настроение у меня было боевое, но дело в том, что почти ежедневно приходилось отправлять в армию рабочих, лошадей, тракторы и кое-что другое. Все это нужно было делать, и необходимость в этом каждый понимал хорошо. Меня это не пугало.

Дел с каждым днем прибавлялось, и с ними я справлялся, как положено. Мужики, руководящий состав и рабочие, почти все были взяты в армию, а поэтому приходилось делать перестройку в работе хозяйства очень часто. Руководящие должности приходилось поручать женщинам, ребятам — подросткам, комсомольцам и старикам. Управляющим фермой «Чилик» стал Нагибин Яков Устинович. Он хорошо знал хозяйство, но первое время работать с народом ему было трудно, так как для него руководящая работа казалась большой тяжестью. В совхозе он до этого он был мельником, плотником, колесником и на других хозяйственных работах, с которыми справлялся хорошо. Руководящей работой овладел быстро, народ к нему относился с уважением, потому что его честность, деловитость, инициатива в работе и работа в ряду с рабочими на всех работах хорошо влияли на коллектив и дисциплинированность всех тружеников фермы. Таких примеров можно привести много.

Мараловодом было назначена Ефимья Аникеевна Пахомова, раньше работающая кормачом. Она была принята кандидатом в члены партии. Работу с маралами знала. Варку, консервировку пантовой продукции изучила вполне удовлетворительно. Вся мараловодческая ферма была укомплектована женщинами, очень хорошими работницами, которые работали все военное время, можно сказать, без усталости. Трофимова Евдокия Павловна работала пантоваром, проводила консервирование пантов, которым владела хорошо.

Наши панты по качеству шли по оленестресту в первой тройке совхозов, а в 1948 году все 100% были взяты на экспорт. Маралосовхоз получил большую премию. Приказом по министерству внешторга Микоян А.И. объявил благодарность всему коллективу. Мараловодческая бригада была премирована деньгами и ценными подарками. Я был приглашен на беседу к Микояну А.И. по этому вопросу, но в связи

с его срочным и внезапным вылетом в Германию был принят Кагановичем Ю.М. Беседа проходила по деловому. Моя просьба по оказанию помощи совхозу была удовлетворена. В мою бытность еще в Москве транзитом было отправлено в наш совхоз 150 овчинных полушубков, 170 пар валенок, 200 штук фуфаяк и стезеных брюк, 150 пар резиновых и 100 пар кирзовых сапог, 200 пар ботинок и многое другое. Главному звероводу Афанасьеву было дано личное распоряжение о выделении нам двух студебекеров, молотилки МК-100, пяти сенокосилок, конных граблей и др.

В моем присутствии Кагановичем Ю.М. была рассмотрена докладная записка главного зоотехника, главного зверовода Теличкиной Т.М. и нашего директора оленетреста Моисеева Н.З. о том, что Маралосовхоз своими силами построил изгородь 9-го парка маральника на протяжении 7 км. За выполнение такой большой работы силами совхоза была выделена премия совхозу и рабочим в сумме 14 тысяч рублей. Сколько было радости у коллектива, когда мы это все получили и какой был подъем в работе, высказать трудно.

Вернемся к кадрам, с кем я работал. Помощником мараловода все трудные годы была Гордеева Пелагея Ивановна, объездным кормачом – Яша Борин, кормачами – Пичугин Иван Леонтьевич, Ламских Иван Дмитриевич, Зоркин Терентий Нефедевич, Медведев Яков Севастьянович, Польских Г.И. (инвалиды Великой Отечественной войны). Мои первыми помощниками были зоотехник Зиновьев Федор Антонович, его жена агроном Антонина Петровна, секретарь партийной организации Ручкин Семен Павлович. Они имели хорошие организаторские способности, и всегда мы все вопросы решали коллективно, просто и доступно для народа. Это мобилизовывало коллектив на выполнение любых мероприятий. Можно многое писать про Маралосовхоз, особенно, в военное время. Хочется только пару слов упомянуть о

том, что в совхозе на протяжении всех лет моей работы была дисциплина на уровне требований того времени. А массовая партийно-политическая работа стояла как первоочередная задача коллектива и только потому мы имели всегда хорошие результаты в работе совхоза. Чтобы это было неголословным, привожу данные количества поголовья скота и пчелосемей в Маралосовхозе по годам.

Количество поголовья в Маралосовхозе по годам

<i>Скот</i>	<i>1942 год</i>	<i>1953 год</i>
Маралов	421	1 284
Крупнорогатого скота	93	280
Лошадей	79	143
Свиней	-	123
А также, пчелосемей	15	39

Сдача пантовой продукции увеличилась в 3 раза, т.е. доведена до 1 879 кг в год.

Заготовка кормов, посевы значительно увеличились, а тракторный парк уменьшился, но не намного. Сбор зерна, сена и корнеплодов с гектара остался на довоенном уровне. За этот период были построены: новая изгородь 9-го парка протяженностью 7 км, высотой до 2,5 – 3 метров, минимум из 13 жердей-лесин (в трубе 20-30 саней), коровник в «Чилике», два дома на маральнике, восьмилетняя школа, контора, клуб, кузница, пилорама, конный двор на 100 мест и к нему другие необходимые постройки, а также перестроена центральная усадьба. С ведением строительства были большие неприятности у меня лично, так как я израсходовал на это большую сумму оборотных средств, что было противозаконно. В оленетресте об этом знали, а когда я их стал критиковать, им это не понравилось. В это время у нас был секретарем крайкома, очень хороший человек Немчинов Николай Николаевич. Он

уехал на учебу, а наш крайком рекомендовал Конева, человека очень недалекого, у которого были крайне ограниченные знания и умения вести дела в районе плюс к тому у меня в работе с ним не пошло, как положено. В оленетресте, пользуясь этим, стали на меня делать гонение, а в райкоме их стали поддерживать. Мне, конечно, пришлось много пережить по поводу этих действий незаконного, непланового строительства, самовольной порубки леса. Подключили лесхоз. Старое руководство района об этом знало и знало о том, что в этом нет корыстной цели, а этот «недоумок» Конев обрадовался, что я должен нести за это ответ. Я обратился лично к т. Сталину и в министерство совхозов, и на 1 января 1952 года, в последних числах декабря, по указанию ЦК партии были пополнены, восстановлены израсходованные на наше строительство 994 тысячи рублей, и арбитр при Совнаркоме отменил решение Алтайского арбитра о взыскании с совхоза 734 тысяч рублей, в том числе с меня 73,4 тысяч рублей за самовольную, то есть незаконную порубку леса. Частично я в этом был виновен, так как мои действия были противозаконны, и пришлось после, чтобы добиться освобождения от этого груза, много подумать, поработать и себя поставить на место. В этом мне был очень хорошим помощником наш директор школы Николай Иванович Любимов. Он человек, на мой взгляд, очень умный, дальновидный, всегда рассуждал спокойно, никогда не торопился, всякая горячность у него отсутствовала, разбирал дела большие и маленькие спокойно, с толком, правильно и до конца. В работе он много мне помогал. На всех совещаниях при директоре делал политинформации, проводил политминутки в гараже, конторе, других подразделениях хозяйства, на хозусадьбе. Помогал партийной организации, которая в эти годы была из 16 человек, а в первые годы я был один член партии и кандидаты — моя жена и мараловод Пахомова. Комсомольская организация выросла до 20-25 человек.

Весь коллектив работал дружно. Все сельскохозяйственные компании, несмотря на крайне плохие климатические условия, выполняли своевременно. Хозяйство все годы работало рентабельно. За хорошие показатели в хозяйственной и финансовой деятельности ежегодно, с 1942 года Маралосовхоз был на районной и краевой досках почета, пять раз был удостоен получения Красного знамени от райкома и крайкома, ежегодно награждался оленетрестом почетными грамотами и много раз был премирован деньгами, ценными подарками. Маралосовхоз расположен в тайге, на очень большой высоте, в 150 км от районного центра и в 250 км от Бийска и железной дороги. Средством передвижения была только верховая лошадь. Здоровье крайне было подорвано, а я, инвалид второй группы Великой Отечественной войны, стал очень уставать и по моей просьбе был переведен на работу уполминзага района.

В первые дни моей работы уполминзаг был реорганизован и передан как отдел заготовок во вновь организованное управление сельского хозяйства, а я назначен заместителем начальника управления. В этой должности проработал с 15 мая 1953 года по 10 января 1954 года. Эту работу освоил быстро и хорошо. В отделе были хорошие люди. Главный бухгалтер Волков Алексей Паратович был работоспособным, честным, хорошо знающим свое дело человеком. Его помощницей была Лилия Александровна Сурова. Были хорошие работники — девять инспекторов по заготовкам сельскохозяйственной продукции, которые знали свое дело особенно хорошо: Голованов Андрей Иванович работал на Сибирячихинском, Новиков — на Карповском, Зеленин — на Топлинском, Котов Захар — на Тележинском участке. С планами справлялись хорошо. Работая в этих должностях, ранее им предоставлялось право, которое сохранилось — «составлять акты за несвоевременный расчет граждан с государством по

поставкам сельскохозяйственных продуктов и привлекать их к ответственности штрафом или отдачей под суд после утверждения уполномоченными этого документа». С первых дней моей работы я почти на 100% эти штрафы прекратил, а заставил их работать больше с народом и решать эти вопросы вместе с руководством сельсоветов и парторганизациями. Это инспекторам вначале не понравилось, так как работы стало больше, и требовательность с них была строже, потом все обошлось и встало на свои места. Привлечение в то время к штрафу или под суд граждан за недопоставку продуктов было очень трудно переживать, так как у нас в районе народ жил бедно. С продуктами питания было крайне тяжело, а с одеждой и обувью очень плохо. Мне представил акт инспектор Золотухин Иван Викторович о том, что «гр. Березкин, проживающий в поселке «Листвененок» Лютаевского сельсовета «сорвал», то есть не выполняет план поставок молока, свиной кожи государству». Меня это заинтересовало, и я выехал в этот поселок, чтобы убедиться в этом лично. Мной был приглашен председатель колхоза Попов Филипп, который был пожилым человеком и очень правдивым. Когда мы пришли на квартиру к Березкину, то увидели очень тяжелое положение в семье. Жена была очень больная, детей шесть человек, а в доме было почти пусто. Из одежды были на всю семью всего две фуфайки, очень ветхая постель, которой на всех не хватало. Когда поговорили в семье Березкиных о делах, об учебе ребятишек и коснулись расчета с государством, он нам сказал: «К новому году рассчитаемся, а сейчас пока трудновато, так как работа большая и основным продуктом питания является молоко. Молоко есть, в огороде все хорошо и вопрос питания у меня теперь решен, свиную кожу я выделал и сделал ребятишкам обувь». Березкин вел себя свободно и говорил правильно. А что Золотухин оформил дело и пугал его судом, он сказал: «Бездумный человек этот инспектор».

Посоветовались с Поповым. Он мне рассказал: «Березкин плоховато живет, потому что его дома не было, и после войны ничего не привез, как прочие. У него очень большая семья и жена больная. Сейчас колхоз поможет ему материально, к зиме постараемся детей обуть и одеть, то есть для этого есть возможность». Попов свое слово сдержал, Березкин с государством рассчитался к концу года. Все материалы, которые были на него оформлены, так у меня в сейфе и остались. Но мне пришлось объясняться у начальника и на бюро райкома, почему я не стал дело доводить до конца. Мне в этом помог районный прокурор Дробышев Прокопий Константинович. Секретаря райкома Конева и начальника управления Кислицина на бюро райкома члены бюро не поддержали, чтобы меня наказать. Вот пара слов об этих бездушных людях. Конев — пьяница, а о делах в районе ничего не знал, а Кислицин всегда был занят домашними делами. Через несколько месяцев Конева от работы освободили с «громом» и через 2 года он работал в г. Камне плотником, а Кислицин вынужден был из района уехать.

В феврале 1954 года управление было реорганизовано, и я был направлен краевым сельскохозяйственным управлением в «Лютаевскую» МТС зоотехником, так как к этому времени я имел специальность зоотехника. В этот год положение в зоне колхозов «Лютаевской» МТС было крайне напряженным, особенно с кормами. Секретарь райкома партии по зоне Микшин Петр Васильевич и директор МТС Данилов Георгий Кириллович стали меня просить, чтобы я поехал в колхоз «Новая жизнь» зоотехником, так как там дело «стояло на краю полного развала» колхоза, и необходимо было принимать решительные и срочные меры. Я согласие дал, так как не умею отказываться от партийных поручений. Этим все были очень довольны. Председатель колхоза находился на лечении, а руководил колхозом Кильдюшкин, человек хороший и специ-

алист на все руки, а как руководитель был крайне слаб. Было решено — немедленно нужен председатель колхоза, и пока этот вопрос решался, мне пришлось возглавлять в колхозе все руководство. Кормов осталось — 150 центнеров сена и немного соломы. Когда я приехал, то увидел очень страшную картину с зимовкой скота. Был большой падеж, и не было транспорта для подвозки кормов. На все размышление был затрачен один день. За два дня моей очень напряженной работы в совхозе «Карповский» купили 1,5 тысячи центнеров сена, которые можно было подвозить в колхоз тракторами, и в совхозе «Горно-Алтайский» — 2 тысячи центнеров грубых кормов, но подвоз был невозможен, так как эти корма находились далеко от колхоза. Взяты были две скотные базы и один дом для жилья рабочих в аренду. В МТС было решено направить два трактора на подвозку кормов. Весь крупнорогатый скот, кроме двух дойных гуртов и маленьких телят, перегнали к месту кормов в поселок Дрезговитый. Старшим был послан Уланов Гриша. Молодняк лошадей в количестве 30 голов тоже перегнали в поселок Никольский Алтайского района, где мы закупили корма. Зимовку окончили, можно сказать, благополучно.

Председателем в колхоз был послан механик МТС Лактионов Никита Иванович. Он тракторы и сельскохозяйственные машины знал удовлетворительно, а как хозяин был очень слаб, так как никогда не работал в сельском хозяйстве. В период уборки урожая колхозники от работы его освободили. Мне пришлось возглавлять руководство колхозом и после освобождения Лактионова колхозники решили, чтобы я был председателем колхоза, но райком не дал согласие, так как было решено взять на работу секретарем парткома «Лютаевской» МТС.

Работать в колхозе пришлось много и упорно. Скот вышел на пастбище хорошо. Посевная, заготовка кормов, уборка

урожая в колхозе «Новая жизнь» были проведены тоже хорошо. В колхозе «Новая жизнь» было много хороших людей, которые работали много и хорошо — заведующий МТФ Осетров К.А., доярка Екатерина Михайловна Запорожских, поярка Дедючкина Елена, которые были в районе передовиками, скотник Кровяков Николай Борисович, ветеринарный работник Запужских Николай Михайлович, который работал очень хорошо.

В сентябре я провел бонитировку скота. В это время старый председатель колхоза Дураков Гаврил Максимович выздоровел и был определен на прежнюю работу. Меня вызвали в крайком партии, где в сельскохозяйственном отделе предложили работу в Горнинском районе директором племенного предприятия. Это была инициатива нашего зоотехника районного сельскохозяйственного отдела Завьялова, но я отказался, так как это связано с переездом. Потом пригласили к заведующему орготдела крайкома Клячеву. Он мои документы еще раз просмотрел и сказал, что я ранее, в 1950 году был райкомом рекомендован на работу председателем райисполкома, но так как министр внешторга Микоян запретил это делать — «из совхоза брать директора на другую работу», и крайком не в силах был решить эту задачу. Клячев мне сказал: «Предложение нашего райкома — рекомендовать вас на работу секретарем Лютаевской МТС». 4 октября 1954 года я был избран на партсобрании МТС и приступил к работе.

Секретарем парткома проработал до 1 января 1957 года. Работа партийная интересная, живая и очень многогранная, которую я любил всегда, но мне не приходилось долго работать. В 1943 году райком партии отозвал из совхоза на работу заворгом райкома, проработал всего два месяца и крайком предложил немедленно мне возвратиться к прежней работе директора совхоза, а в 1948 году было согласие крайкома избрать меня секретарем райкома, но в последний день работы

конференции крайком запретил это делать, так как трест сообщил свою просьбу Микояну о том, чтобы меня из совхоза не брать, и из ЦК было указание крайкому «не делать этого». А в этот последний раз мне пришлось проработать секретарем парткома только два года, и опять крайком меня отозвал, направив директором в «Светлинский» совхоз. В период работы секретарем парткома МТС для меня было много нового и очень трудного. Нового — много техники, а трудного — потому что нас посадили на голое место. В этой деревне Лютаево было несколько домов колхозников — один колхоз, а было когда-то три, и этот колхоз экономически был слабым. В МТС не было мастерских, гаража, конторы, клуба, а было только очень ветхое здание начальной школы и помещение сельсовета в старом кулацком доме. Инженерно-технический персонал и рабочих стали размещать на жительство в полевых вагончиках, которых было мало, и стали строить временки-домики, в которых можно жить летом, но наш народ жил и зиму. По договоренности с колхозниками стали к ним вселять своих рабочих и служащих. Когда к нам прибыли целинники, стало еще трудней, но все обошлось хорошо. Конечно, были всякие шероховатости, но потом о них забыли. Трактора находились и ремонтировались под открытым небом, поэтому приходилось с народом работать очень много и упорно. В 1955 году построили хорошую мастерскую, электростанцию, складское помещение, много домов и временных домиков, которые были убраны в 1957 — 1959 годах, когда я стал директором совхоза. Партийная организация в 1956 году стала у нас гораздо больше по количеству. В колхозах было по одной, а в больших — по две тракторных бригады, и в бригадах были партийно-комсомольские группы. Партийно-политическая работа была поставлена хорошо. Была ежедневная отчетность бригад о производственной деятельности. Все учетчики бригад являлись агитаторами, а потому подбор на эту работу про-

водился только по согласованию с парткомом. Специалисты нашей МТС, работающие в колхозах, подбирались хорошие. В каждом колхозе, а их было двенадцать, были агроном, зоотехник и ветеринарный работник.

Наши колхозы в 1956 году сдавали хлеба государству больше, чем весь район, а колхозы «Ворошилова», «Верный путь», «Горный Алтай» продавали хлеба по 24 978 центнеров. Председатели колхозов Платонов, Казазаев, Веретенников, Попов, Теличко, Турицин и другие мужики были с большим хозяйственным опытом и знанием дела.

Работа в МТС мне запомнилась на всю жизнь, так как работы было много, и она была очень интересной и сильно спокойной. Работать приходилось сутками, и после короткого отдыха вся усталость исчезала. За период работы МТС колхозы и колхозники стали жить, можно сказать, хорошо. У меня сейчас нет данных, так как мне всю жизнь не хватало времени вести дневники, но хлеба у колхозников стало, можно сказать, почти у всех с излишком. Стали иметь большие подсобные хозяйства. Торговля в районе работала хорошо. Работа нашего парткома и МТС всегда была примером в районе.

2 января 1957 года я был назначен директором «Светлинского» молочно-мясного совхоза. На эту работу я согласие дал с удовольствием и меня в крайкоме лично первый секретарь Пысин Константин Георгиевич и начальник краевого управления совхозов Иванов Николай Григорьевич очень тепло благословили и сказали, что этому хозяйству будут помогать. Помощь совхозу была крайне необходима, так как он находился в тяжелых погодно-климатических условиях и был отстающим по всем показателям, а директора работали максимум по два года.

В 1958 году окончил четыре курса Всесоюзного сельскохозяйственного института в г. Москве.

По пути следования в совхоз был сутки не перевалочной базе в Бийске и в эти сутки на базе навел порядок с хранением товарно-материальных ценностей, находящихся на складах, поговорил с шоферами, так как они все находились в это время на базе, и обслуживающим персоналом. Моя беседа была им просто в диковинку, так как с шоферами директора так откровенно ни разу не беседовали и еще потому, что им были сделаны откровенные замечания с категорическим предупреждением. Заведующему базой Валеву на этом совещании было внушительно сказано, чтобы все самовольные разъезды были прекращены, а время прибытия и убытия в совхоз были с обязательными отметками в путевом листе. Когда я поехал в свой район из Бийска на полуторке с шофером Телегиным Савелием, он мне рассказал, что многим шоферам не понравилась моя беседа, так как они поняли, что все вольности будут прекращены, использовать машины в личных целях будет нельзя.

В день моего прибытия в совхоз народ уже знал, что едет новый директор. Секретарь парткома Любимов Николай Иванович (это тот Любимов, который в маралосовхозе работал директором школы) ожидал меня. В первый день приезда написал приказ и приступил к работе. После чего познакомился со специалистами хозяйства — главным зоотехником Малышевым Василием Васильевичем, главным бухгалтером Печенкиным Григорием Петракеевичем, прорабом Бочаровым Владимиром Георгиевичем, старшим механиком Шадриным Иваном Алексеевичем, главным агрономом Олышадиковым Борисом Кондратьевичем и другими.

Первая моя встреча была с рабочими РТМ и мной была прекращена неразбериха в ремонтных работах. Дефектных ведомостей на ремонт не было, заборные карточки и лимитные книжки отсутствовали, они их и никогда не имели и не слышали о них, на ремонт запасные части брали со склада

без оформления документации. Вечером в тот же день провел беседу со старшим механиком, заведующим РТМ Скурихиным и кладовщиком по поводу этой бесхозяйственности, и приказал прекратить такую вольность. Перестройку делали дней пять, а потом все пошло нормально. На второй день с секретарем парткома к 6 часам утра пошли на дойные гурты, а их было три. Многие доярки опоздали на дойку. Нас они, конечно, не ожидали. После дойки провели совещание, на котором я мирно высказал свои замечания. В этот же день провел совещание с руководящим составом ферм и специалистами о своем начале работы в совхозе, известил и приеме совхоза и проведении собраний рабочих на всех фермах. На фермах после просмотра и приема хозяйства были проведены общие собрания рабочих с отчетом о всей хозяйственной деятельности. На «Светлинской» докладывал Распопов Анатоли Николаевич, на «Октябрьской» – Жиров Николай Иванович, на «Малиновской» – Попов Тимофей Гаврилович и на «Чапаевской» – Кузнецов.

Хозяйственная деятельность была с очень большими недостатками, которые опишу ниже. Рабочие жили в очень большой тесноте (по несколько семей в квартире) и никакого просвета в строительных делах не было видно. Рабочие приходили на собрание со своими табуретками, стульями и скамейками. Помещения для проведения собраний не было, за исключением «Малиновской» фермы, где было все по-хозяйски. Конечно, бедновато, но мириться было можно. Что хорошо было на собраниях, так это высказывания рабочих о плохой работе, справедливая критика. Скотник Копылов Петр Антонович критиковал директора, партком и руководство фермы. На «Октябрьской» ферме рабочий Тютин Иван Данилович, Захаров и другие высказали свое мнение с критикой, за исключением только руководства фермой. Много было подобных выступлений, которые были такими

справедливыми, что даже бывший директор не смог им возразить. Побывав на фермах, пообщавшись с народом, у меня сложилось хорошее впечатление о коллективе. Большинство рабочих были кадровыми, и даже были первостроители хозяйства – Тюхтины (три брата), Копыловы (три брата), Захаровы, Бибикины, Капустины и много, много других. Парторганизация была небольшая, но работала хорошо, коммунисты все являлись передовиками производства.

Результаты работы были непоказательными, потому что директора и специалисты работали крайне недостаточно, с коллективом советовались только в крайних случаях и очень редко. Вот, что мне пришлось принять:

1. Крупнорогатого скота – 1 222 голов, из них коров – 418, тощака из всего поголовья 246, больных стригущим лишаем – 454;
2. Овец – 3227 голов, из них овцематок -1906, овец ниже средней упитанности – 724, тощак – 208, больных с кожными заболеваниями – 150;
3. Лошадей – 308 голов, из них рабочих – 99;
4. Озимых – 91 га;
5. Обеспечение семенами зерновых – 62%, из которых 759 центнеров семян пришли в полную негодность (так как хранились под открытым небом);
6. Картофеля – 687 центнеров;
7. Севооборотов в совхозе нет.

Надои на фуражную корову составляли 12 центнеров в год. Овцы размещались в большой скученности. С кормами для лошадей было напряженное положение. Озимые были в плохом состоянии. Картофель хранился на поле в необорудованных ямах, проверить его на жизнеспособность было невозможно.

Вся техника (3 трактора, 4 автомашины) хранилась под открытым небом, была разбросана. Из 23 автомашин на ходу

было 6 штук, некоторые восстановлению не подлежали. Конный двор находился в запущенном состоянии. Жилой фонд был очень маленький, все дома требовали капитального ремонта. Стройматериалов в совхозе не было. На двух фермах не было даже начальной школы. Финансовое состояние тоже было неутешительным. Кадрами хозяйство обеспечено было вполне удовлетворительно. И вот встал законный вопрос — кадры есть, а результаты в работе очень плохие. Это потому, что руководство со стороны директоров было сменяемым и до их предшественников было слабым. А у треста хватало терпения смотреть на такое хозяйство. Мне было просто удивительно и очень странно, что совхоз старый, выделен из «Солонешенского» молочно-мясного совхоза в 1934 году, а во всем такая запущенность. Мастерская, где ремонтировались трактора, была просто сараем, где нет кранбалки, а о строительстве мастерской и задумки не было. Из-за очень плохой организации ремонта тракторов требовалась незамедлительная перестройка. Так и было сделано в первые дни моей работы.

На фермах сам стал бывать каждую неделю и обязательно после посещения и проверки всей работы проводил собрание. Планерки с главными специалистами проводил ежедневно и они стали находиться на ферме по работе. Специалисты работали хорошо за исключением главного ветеринарного врача, которого в первый месяц моей работы пришлось освободить от работы в хозяйстве. Первым вопросом был, на мой взгляд, заготовка стройматериалов. Незамедлительно было взято две лесосеки в «Чарышском» лесхозе, и повал и трелевка леса пошли полным ходом. С каждой фермы на заготовку леса были посланы по моему заданию люди, трактора, лошади и все другое необходимое на этих работах. В первое время на совещаниях при директоре давались только установки, задания на декаду. Это отдельным управляющим и специалистом не понравилось и они были втихомолку про-

тив, поэтому пришлось разъяснить суть этого дела. Такой работы требовала обстановка в хозяйстве, так как дальше жить, не занимаясь строительством, ремонтом домов и наведением дисциплины, нельзя. На выброску леса было поставлено 10 тракторов и дано задание ежедневно делать рейс за лесом в лесосеку «Талиновку», где находился уже трелеванный лес. У большинства трактористов получалось за сутки делать рейс. Это Ризов, Изак, Вольнов и другие. Эта работа была поставлена на определенный уровень. С кормами-концентратами трест помог хорошо, помощь райкома партии по всем вопросам тоже была хорошей. Первый секретарь Немчинов за январь – февраль был в хозяйстве три раза.

Лесоматериала в начале марта было заготовлено и вывезено в совхоз на 3 тысячи рублей. К посевной подготовка шла хорошо. Семян достали и вывезли в совхоз на весь яровой клин. План первого квартала по молоку выполнили. Зимовка скота проходила вполне удовлетворительно. Строительные и ремонтные работы были начаты. Весь коллектив совхоза и, особенно, кадровые рабочие (на «Малиновской» ферме – Поповы, Суровы, Головины, на «Чапаевской» – Гордеевы, Королевы, Соснины, Лапины, на «Светлинской» – Эберли, Шкарупины, Жабровы, Копыловы, на «Октябрьской» – Размысловы, братья Тюхтины, Моторцевы, Бочаровы) являлись примером. Эти семьи и целые династии были главными в работе. Я ставил своей целью – поставить дело так, чтобы наш совхоз был передовым в районе и тресте. Этого в два года не сделать, но добиться своего в этом направлении можно.

В марте в крайкоме было решено наш совхоз укрупнить, то есть передать нам «Лютаевскую» МТС, колхозы «Горный Алтай», «Путь к коммунизму», «Верный путь» и «имени Ворошилова». Эту работу с помощью райкома мы стали проводить быстро. На первом собрании в Лютаевском колхозе «Путь к коммунизму» я кратко дал информацию о нашем со-

вхозе «Светлинский». Колхозники знали наш совхоз и меня хорошо. Знали, как я работал в МТС в этом селе. Вопросов почти не было, потому что колхоз жил экономически бедно. Один вопрос задал старичок (фамилию не помню): «Правда, за нашу работу будут ежемесячно платить деньги?», все засмеялись. Почти также прошло собрание в Березовском колхозе «имени Ворошилова». Когда поставили вопрос, желают ли колхозники пойти в совхоз, голосование прошло единогласно, и все были очень рады. На собраниях в Юртнинском колхозе «Верный путь» и колхозе «Горный Алтай» собрания прошли по-другому. Очень много было вопросов, и даже была критика бесхозяйственности в нашем совхозе. Эти колхозы были экономически крепче, порядок ведения хозяйства был, можно сказать, хороший. В колхозах были все отрасли сельского хозяйства. Полеводство велось хорошо, а, следовательно, колхозники жили лучше.

В «Верном пути» председателем был Казазаев А.К., который до этого работал зоотехником в нашем районе от «Чарышского» племенного предприятия. В его ведении были все племенные фермы колхозов. В колхозе он проработал три года. Дело пошло хорошо. Получали хорошие урожаи. Человек был хороший, в районе пользовался авторитетом, с народом вел себя хорошо, за что его уважали и ценили. Нужно отдать должное и бывшему председателю Лопатину Г.И., который проработал в этом колхозе много лет. Все военные и послевоенные годы колхоз в районе был передовым по всем показателям. После его перевода в другой колхоз и в бытность председателя колхоза Полевика Г.П. все пошло прахом и даже диву даешься, куда все делось. Это неумелая работа в смене таких руководителей секретаря райкома, о котором я ранее писал, этого Конева — этого пьяницы, прощелыги, случайно попавшего на такую большую работу. На этих собраниях мне и

секретарю райкома Крыжка пришлось колхозников поговорить, чтобы они объединились с нашим совхозом.

В других хозяйствах меня многие знали, так как я работал заведующим школой в Юртном, а в «Горном Алтае» – секретарем парторганизации. На собрании в Юртном – Заздравных Петр Васильевич, Попов Егор Васильевич, Переверзев Степан Николаевич, в «Горном Алтае» – Пенкин Иван Иванович, Сальников Борис Антипович и другие сказали: «Директора мы знаем, и он всегда говорил правду, и сейчас мы ему поверим», и колхозники вошли в совхоз.

На каждом собрании я ознакомил всех с приказом о назначении управляющих и специалистов этих ферм. Мной ставилась задача вывести совхоз в передовые. Меня поддерживали. Были назначены управляющие ферм:

1. «Березовской» – Платонов К.А.;
2. «Юртнинской» – Исаков В.С.;
3. «Лютаевской» – Теличко П.И.;
4. «Горно-Алтайской» – Веретенников С.И.;
5. «Чапаевской» – Кузнецов;
6. «Октябрьской» – Жиров Н.И.;
7. «Светлинской» – Распопов А.Н.;
8. «Малиновской» – Попов Т.Г.

Мужики имели опыт в работе, а образование агронома имел только один Платонов К.А.. Работали хорошо. Парторганизацию, которая была большой, возглавлял Любимов Николай Иванович. Коммунисты являлись передовиками производства – Кругликов Я.С., Аникин Ф.М., Вихрев М.Е., Лапин А., Манохин Н.И., Аржаев И.П., Тюхтин И.Д., Ярцев В.С. и многие другие.

Бухгалтерский состав был хороший. Экономическая работа была поставлена хорошо. Особенно много и хорошо работал бухгалтер «Березовской» фермы Жиляков Николай Иванович, бухгалтер «Лютаевской» фермы Кистерова Зоя

Григорьевна, бухгалтер «Горно-Алтайской» фермы Черноусова Матрена Митрофановна и другие. В центральной бухгалтерии работали хорошо Жилияков Н.И., Стариков и другие.

Главным агрономом был Бурба Николай Семенович. Такого агронома и хозяина район и совхоз не имели никогда. В первый год его работы был введен севооборот. Стали сеять многолетние травы, проводить апробацию, вносить много удобрений, обрабатывать посевы с самолетов, делать улучшение лугов и пастбищ, а на третий год получили урожайность по совхозу 18 центнеров с гектара, в то время как другие совхозы получали максимум по 10 центнеров с гектара. Он же держал в своих руках всю механизацию совхоза, так как прекрасно знал всю технику. Когда он стал руководить этим делом дела в совхозе пошли куда лучше. Это было необходимо потому, что в должности инженера вначале был Шадрин, а потом Кучин, знающие технику плохо, которые даже не имели водительских прав, у которых образование было по 4 класса. Впоследствии Кучину помогали все специалисты поступить в техникум учиться и окончить его в 1968 году. Бригадиры тракторных бригад были прекрасными специалистами – Ржеусказ Виктор, Лопатин Аким Васильевич, Житких Михаил, Веретенников, Черноусов, Эберли, Вихрев и другие. Много было еще замечательных трактористов и комбайнеров.

Главным зоотехником долгое время работал Брыляков Владимир Гаврилович. Это был старательный практик, когда-то давно окончивший краткосрочные курсы, а в 1968 году – заочно Каменский техникум. Последние годы моей работы главным зоотехником работал Восковых Иван Григорьевич, имеющий высшее образование, у которого жена Нина Михайловна была зоотехником – селекционером. Они были очень старательными, дисциплинированными, знающими свое дело специалистами. Зоотехнический учет был хорошо

налажен. Бонитировку крупнорогатого скота и овец проводили по всем правилам, классификацию шерсти делали согласно инструкции, и шерсть сдавалась государству очень хорошего качества.

Длительное время в строительстве работал прорабом Попов Геннадий Филиппович, а в последние годы Медведев Александр Дорوفеевич. И тот, и другой работали хорошо, свое дело знали. За весь период моей работы в совхозе почти все было перестроено и вновь построено. Были сделаны складские помещения для полного обеспечения потребности ферм. Школы, клубы, столовые, пекарни, магазины были построены новые, а в Лютаево — средняя школа, в Березовке — восьмилетняя школа. Также были построены животноводческие дворы, телятники. Все села были обновлены новыми постройками домов для рабочих, конторами и электрифицированы. На всех фермах были электростанции. Было установлено 9 пилорам, которые работали круглый год. На центральной усадьбе были выстроены дом культуры, мастерские, гараж, больница на 25 мест, а на фермах амбулатории были в жилых домах с отдельными входами. Центральная усадьба выглядела очень хорошо, была озеленена. В усадьбах рабочих появились фруктовые деревья. На центральной усадьбе был разбит большой фруктовый сад площадью 5 гектаров, с которого в 1964 году стали получать много ягод. Это была заслуга нашего главного агронома Бурба. Он много работал по строительству нового большого пруда в урочище гор. Пруды были и на фермах, в которых через два года была рыба — карпы. Стали делать отлов карпов и карасей.

В строительстве было много трудностей и неприятностей. Трудности были с доставкой материалов из Елинова. В этом селе и на ферме «Малиновка» был создан специальный участок. Специальной доставкой материалов ведал прораб Попов. В его распоряжении было 6 гусеничных тракторов, ко-

торые работали на подвозке леса. Круглыми годами и даже в жаркое время посевной или уборочной их не брали на другие работы. Замечательно работали на вывозке леса трактористы Никитин Петр Логинович, Королев Владимир Ильич и другие. На фермах вывозом леса занимались все старательно. Очень много тысяч кубометров леса, пиломатериала вывозилось из «Шабалина до Сосновки на автотранспорте автоколонн Бийска, а из «Большой речки» до Бийска – поездом железной дороги. Очень благодарен заместителю начальника краевого управления Галютьеву и заместителю начальника по строительству Юштанову за то, что они в этом вопросе оказали помощь. В 1967 году у нас в совхозе был Галютьев. Когда он все хозяйство посмотрел, особое внимание обратил на строительство и выразил нам похвалу. На мой вопрос «разрешить для школы закупить учебные наглядные пособия и оборудование примерно на 30 тысяч рублей», он ответил: «На строительство школы не просил разрешения, а израсходовал почти 800 тысяч рублей, давай теперь действуй, так как получишь в лучшем случае административное взыскание за то и за другое, а в худшем случае пойдешь под суд». Все обошлось хорошо. И он напомнил, как мы с прорабом Бочаровым обманули начальника строительного управления Задорина, и он нам подписал титульный список на строительство, где были не заполнены все графы, а потом в конце года нас стали обвинять в незаконном строительстве, а мы доказали, что делали по утвержденному титулу. Тоже все прошло хорошо. На строительство индивидуальных домов давали ссуды, и рабочие сами занимались строительством. Совхоз обеспечивал строителей материалом – лесом, шифером, гвоздями, известью, которой у нас было много, так как сами занимались выжигом извести в Елиново и Малиновке. Вот примерно кратко о строительстве в совхозе.

Хорошо помню по сей день слова нашего первого секретаря райкома Немчинова Николая Николаевича, когда он меня благословлял на работу. Он сказал, что я должен лучше всех совхозов в районе и крае заниматься строительством, что я, конечно, выполнил. В 1967 году он, будучи секретарем Кулундинского райкома, был у нас в совхозе и посмотрел, что в наших селах было и что стало. За это я от него получил похвалу, и мне было приятно это услышать от замечательного человека и хорошего партийного руководителя.

За 13 лет работы в совхозе «Светлинский» было много хорошего и плохого, но хочется сказать, что я провел много бессонных ночей в дни уборочных, заготовки кормов, заготовки строительных материалов, весеннего сева, сдачи скота на Бийский мясокомбинат (некоторые годы, когда был принят скот из других хозяйств на нагул, сдавали по 10-12 тысяч голов). Приходилось ночевать в машине, так как в этом была большая необходимость. Рабочих не хватало, потому что объем работы в совхозе с каждым годом увеличивался, а поэтому привозили рабочих их оргнабора г. Кишинева Молдавской республики по 250-300 человек на летний период, большинство которых работали со скотом.

Весь труд коллектива характеризовался вышеописанным строительством и животноводством. Ниже приводятся данные по животноводству, растениеводству.

**Показатели животноводства и растениеводства
«Светлинского» совхоза**

	Годы					
	На 01.01.1957 (на момент организации совхоза)	На 01.07.1966 (раздел совхоза)	После раздела (у нас осталась)	На 01.01.1969 (сдал совхоз)	На 01.01.1984	
КРС (кол-во голов)	2 314	6 033	2 241	2 600	2 722	
Коровы (кол-во голов)	1 001	2 528	1 500	1 700	1 110	
Овцы (кол-во голов)	8 244	16 068	7 334	8 957	4 040	
В т.ч., овцематок (кол-во голов)	4 777	6 510	3996	5 430	-	
Лошадьи (кол-во голов)	489	888	489	435	282	
Слача мяса (цент.)	2 818	9 500	-	5 916	-	
Слача молока (цент.)	16 973	48 400	-	32 422	17 672	
Заготовка сена (цент.)	39 853	110 000	-	64 356	4 605	
Заготовка силоса (цент.)	40 000	124 354	-	83 315	-	
Слача шерсти (цент.)	137	281	-	280	157	
Слача зерна (цент.)	24 978	62 384	-	-	-	

Надой на фуражную корову были разные, но я этому не придавал значения, так как старался дать больше молока в целом. На мой взгляд, этот показатель не очень убедительный. Некоторые хозяйства стараются увеличить надой от каждой коровы, а коров имеют меньше. А если их иметь не 500-600 голов, а 1 000-2 000, то от этого будет молока больше. Все «нытики» делают упор на кормовую базу, а я об этом слышать не хотел и сейчас этому большой противник. У нас в районе и вообще в Сибири кормов хватает, только отбрось лен. В совхозе у нас было земли в общем 57 835 гектаров. Когда колхозы не входили в совхоз, у них было крупнорогатого скота — 1 000 голов, овец — 3 354 голов, и они не разрешали косить сено даже другим организациям села, мотивируя тем, что земля закреплена за ними и они хозяева. Район их в этом поддерживал когда-то. Когда они вошли в совхоз, крупнорогатого скота стало до 7 000, овец — 17 000 голов и принимали из степных районов на нагул молодняк по 12 000-13 000 голов. И на этой земле скота стало больше и больше стало заготавливаться кормов.

Корма есть, но работать нужно больше и, безусловно, умело, а руководителям вставать раньше всех и ложиться спать позже всех. Необходимо всегда решать все индивидуальные вопросы, своему слову быть хозяином и знать все запросы рабочего коллектива. Ко мне ежедневно, всегда с 7 до 8.30 часов утра приходили рабочие на прием. Все вопросы старался решать всегда сразу, и не было такого, чтобы откладывал до следующего дня. Директор в своем хозяйстве должен знать все до мелочей и говорить рабочим только правду. Когда приходилось в чем-либо делать отказ, то убеждал в этой необходимости, но это было редко.

А в полеводстве в первые годы было трудновато с получением урожая, но когда к нам приехал главный агроном Бур-

ба, дела пошли хорошо, потому что он хорошо знал свое дело. У нас стало больше многолетних трав — клевера, донника и других, стали следить за ведением севооборота. Управляющие «Горно-Алтайской» фермой Ведерников и «Юртнинской» — Исаков лучше других вели эту отрасль хозяйства. В совхозе пашни было до 15 000 гектаров, а зернового клина — 10 000 — 12 000 гектаров. Урожаи получали хорошие — до 18 центнеров с гектара. В то время в районе это было редкостью.

Техники было достаточно, в том числе тракторов, автомашин и других. Трудоемкие процессы стали механизироваться. Количество передовиков в животноводстве и полеводстве увеличивалось с каждым годом. Это были:

1. Тракторист Мартынов Т.Е. (на тракторе ДТ-75 вырабатывал 1 835 га мягкой пахоты);
2. Тракторист Семенов П.Р. (вырабатывал 1 548 га);
3. Тракторист Подоксенов В.М. — (вырабатывал 1 498 га);
4. Комбайнер Денисов А.Я. (скосил 385 га, подобрал 352 га, намолотил 8 314 центнеров);
5. Комбайнер Белис Б.И. (скосил 200 га, подобрал 200 га, намолотил 4 318 центнеров);
6. Шофер Шадринцев Т.Ф. (сделал пробег 48 036 км, выполнил 176%);
7. Метчик сена Семенов И.Г. (вручную сметал 324 центнера);
8. Метчик сена Фрузинзе Д.Ф. (сметал 3 484 центнера);
9. Метчик сена Бортников И.Ф. (сметал 4 484 центнера).

Это — чудо-богатыри.

Во время заготовки кормов, уборки урожая все специалисты с утра были на одной из ферм, а я ежедневно бывал в каждом звене или у комбайна. И каждый день было что-то новое — или вручали премию, или флажок победителя, или благодарность, или выписку из приказа по совхозу. Мне и секретарю парторганизации не было времени отдыхать. Были секретари, кото-

рые любили отдыхать. Они у нас долго не задерживались, и их райком переводил на другую работу.

Хлеба в совхозе было много, и особенно, когда мы не стали сдавать государству. Хлеба хватало на продажу рабочим по себестоимости и на корм скоту. «Несунов» зерна, дробленки и других концентратов почти не было, а если были, то это было редкостью.

В вопросах экономической работы наш совхоз был родоначальником в районе. Секретарь райкома Крыжка, по образованию экономист, в этом вопросе очень хорошо помогал. Он сейчас работает ректором Барнаульского сельскохозяйственного института.

Планерки с управляющими ферм проводил ежедневно. Давались задания, что необходимо сделать, а плановики и бухгалтера все обсчитывали. По каждому заданию фермы и подразделения ферм докладывали о выполнении работы. Одним словом, копейку считать народ мы приучили, а народ почувствовал интерес. Особенно хорошо этим занималась «Горно-Алтайская» ферма, где бухгалтером работала Матрена Митрофановна

Черноусова, у которой учет прихода и расхода был строго поставлен. На других фермах эта работа выполнялась тоже хорошо.

Наше хозяйство было рентабельным. На всех фермах были хорошо оборудованные клубы, библиотеки, музыкальные инструменты, а на центральной — духовой оркестр. Помню, когда мне вручали в 1966 году Орден Ленина, наш духовой оркестр особенно хорошо сыграл, и даже представитель крайкома, который вручал награду, на это обратил внимание и сказал: «Чувствуется, музыканты уважают директора», а секретарь парткома Попов П.П. ответил: «Директора не только уважают музыканты, а весь совхоз и район». Меня и всех, кто получил правительственные награды, хозяйство хорошо поздравило.

Орденом Ленина была награждена и доярка «Лютаевской» фермы Апарнева Лидия Ипатовна. Наградами были удостоены управляющие Жиров Н.И., Исаков В.С., Попов Т.Г., главный агроном Бурба Н.С., доярки, трактористы, шофера и рядовые рабочие. Всего было награждено 24 человека и почти все орденами, из которых 10 человек – Орденом Трудового «Красного Знамени».

29 октября 1967 года на центральной усадьбе было открытие памятника воинам, погибшим в дни Революции 1917 года и воинам Великой Отечественной войны. На открытие собрался весь коллектив совхоза. Наши учителя замечательно подготовили к этому школьников. Были приглашены 90 солдат из Бийского гарнизона, которые после моего доклада троекратно салютовали из винтовок. Все наши почетные люди при всех своих наградах были на трибуне. Памятники в этом году были построены на всех фермах совхоза. В совхозе у нас было 14 почетных граждан. В каждый свой приезд на фермы я обязательно с ними встречался. На центральной усадьбе ежегодно устраивали встречи со старейшими работниками, пенсионерами с хорошим угощением. Привозили и увозили их на легковых машинах.

Я принимал участие во всех мероприятиях района как директор совхоза, ветеран партии и труда, как член бюро райкома и исполкома райсовета и как самый большой активист по проведению всех мероприятий. Моей стихией были и остались лошади. А при проведении в совхозе и районе выставок, Дня пастуха я был организатором конных скачек, бегов. Работая в детдоме, у меня был бегунец по кличке «Буланка», в Сибирячихинской средней школе – «Каурка», в Маралосовхозе – «Чальчик», «Ферт», «Мушка» и два серых коня «Разговор» и «Цыган». Они удивляли весь район и села от совхоза до Бийска. Один раз я бежал на «Разговоре» за автомашиной от Казанды до Рыбного и не отстал к всеобщему удивлению.

Работа есть работа, а я не знал покоя. Работал круглыми сутками, и от этого не было покоя семье. Меня всегда воодушевляли хорошие результаты в работе. В моем понятии не было того, чтобы я не обеспечил выполнение любого плана и из самого безвыходного положения всегда находил выход.

В 1969 году по состоянию здоровья ушел на пенсию пенсионером республиканского значения. Какие были душевные, волнующие проводы в совхозе, где присутствовали все люди, все районное руководство и представители всех совхозов района по 7- 10 человек, а совхозов было шесть. Одним словом, на торжественных проводах было минимум человек 250. Президиум был из 25 человек. Много было благодарностей за мой многолетний труд служения народу, поздравлений, теплых слов, пожеланий. Было вручено много памятных подарков. В своем ответном слове я поблагодарил всех, с кем работал долгие годы, за которые мы стали почти родными людьми.

В конце 1969 года мы с женой долго решали и впоследствии решили приехать со своего родного Алтая, где родились и провели всю свою трудовую жизнь, на жительство к нашей единственной дочери Але в г. Усолье-Сибирское Иркутской области.

После выхода на пенсию самым значительным событием в моей жизни была встреча однополчан 26 (93) Гвардейской дивизии, посвященной 40-летию Великой Победы над гитлеровским фашизмом, которая проходила с 17 по 21 апреля 1985 г. в г. Москве.

Прием был организован очень хорошо. Всех ветеранов разместили в гостинице «Россия» с большим комфортом.

На встрече было 300 ветеранов дивизии со всей страны. Наша дивизия начинала воевать недалеко от г. Подольска, который находится в 30 км от Москвы. В своем выступлении на торжественном собрании председатель Президиума Совета ветеранов-однополчан 26-й Гвардейской стрелковой дивизии,

Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Шелковый С.Е. сказал: «Наша Забайкальская 26-я дивизия с другими дивизиями не допустили в Москву немцев и вынесли на своих плечах большую тяжесть по обороне Москвы». Всех, кто остался в живых и присутствовал, он призвал встать, и нас оказалось из 300 человек очень немного. Он нам низко поклонился и сказал: «Те, кто находился в обороне Москвы – это герои Великой Отечественной войны. Подвиг войск, которые не допустили фашистов в Москву, воодушевлял всю Советскую армию. Ваша заслуга в этом очень большая». Шелковый говорил, что он командовал дивизией в Сталинграде, на Курской дуге, и как бы тяжело не было, они знали, что Москву советские воины отстояли.

В первый день встречи, если узнавали друг друга, это сопровождалось большой радостью и слезами, так как 40 и более лет не виделись и изменились до неузнаваемости.

18 апреля мы выехали в г. Подольск. При посадке в автобусы на Курском вокзале мы с одним товарищем очень пристально смотрели друг на друга. Было что-то знакомое, родное, но очень далекое в наших обликах. И вдруг: «Вася, это ты?», а я: «Сашка Чапцев, а это ты?». Слезы, объятия, бесконечные разговоры, воспоминания, а после встречи – длительная переписка.

Встреча на железнодорожном вокзале Подольска была замечательной, с большим оркестром. Было очень много народа и все городское начальство. Затем был митинг на мемориале. После этого выехали к могиле, где захоронены наши однополчане. Было много выступлений, низких поклонов сибирякам. Выступали учащиеся школы, которая теперь носит название 26-й Гвардейской дивизии. Сибиряки привезли и посадили на могилу багульник.

В г. Климовске были также очень хорошая встреча, митинг у памятника солдатам 26-й Гвардейской дивизии, шествие

по центру города и улице имени 26-й Гвардейской дивизии и многочисленные выступления. После этого был прием в Доме культуры со всевозможными угощениями, подарками. В Климовске также было торжественное заседание

Ездили в города Климовск, Болабанов, Боровск и в села, которые отстояли и освободили. В школах проводились беседы с учащимися.

В г. Звездном нас встретило командование. У памятника Гагарину был проведен митинг. Полковник рассказал о городе, полетах, космонавтах, традициях. Космонавты перед полетом приходят на это святое место, где докладывают о предстоящих полетах и дают клятву, что они задание выполнят, а по возвращении докладывают о выполнении задания.

21 апреля 1985 года были на могиле неизвестного солдата и в музее Советской армии, где фотографировались по полкам у знамени Победы и танков. Вечером был торжественный обед. На обеде не было только «живой» воды. Вечер прошел очень весело — песни, пляски, танцы, слезы и смех.

У меня была трудная жизнь, но в ней было много и радостных дней. Об этих днях хочу написать пару слов. Это было:

1. Когда я был принят в комсомол и получил наказ «быть до конца своих дней преданным делу нашей партии» — 18 февраля 1927 года;
2. Когда стал работать учителем — 2 января 1930 года;
3. Когда женился и нашел себе друга жизни, а теперь уже прожили совместно больше 50-ти лет;
4. Когда получил Почетные грамоты «Ударник 1-ой пятилетки» — в июне 1932 года, «Ударник 2-ой пятилетки» — в августе 1935 года;
5. Когда был награжден Орденом Боевого Красного Знамени — в 1941 году;
6. Когда был награжден Орденом Ленина — в марте 1966 года;

7. Когда получил персонального пенсионера республиканского значения – в феврале 1969 года;

8. Когда был принят в ряды партии – 1 августа 1941 года.

Можно было бы еще перечислять эти счастливые дни, но они были у меня всегда. Хочется только сказать, что мы с женой Еленой Алексеевной считаем своим бесценным счастьем, что имеем такую замечательную дочь, свою Алю, что лучше нашей Али ни у кого нет таких детей. У нас две внучки Лена и Марина. Они очень хорошие, умные, прекрасно учатся, обе окончили музыкальную школу, так хорошо играют и поют, что у нас от радости всегда пробивается слеза. Мы очень этим довольны. Лена окончила в 1982 году с отличием Иркутский институт иностранных языков, работает в г. Ангарске преподавателем английского языка. Марина 25 июня 1986 года окончила 10 классов и получила серебряную медаль, в 1993 году окончила Иркутский медицинский институт и поступила в клиническую ординатуру. Девочки образованные, много читают, могут свободно вести себя в любом культурном обществе, имеют хороший вкус. Для нас с женой это самая большая радость. Наш труд по воспитанию дочери и внучек окупается с лихвой.

От работы в совхозе и других событий перешел к своим лучшим дням жизни, потому что работа и семья – это для меня самое дорогое в жизни, как и мой любимый Алтай.

1 января 1980 года

Приложение

Действующая Армия

Уважаемая Елена Ряскова!

Бойцы, командиры и политработники нашей части, в которой служит Ваш муж Василий Времович, шлют Вам боевой подруге боевого командира Красной Армии, пламенный красноармейский привет!

Елена Ряскова! Ваш муж в боях с немецкими захватчиками, показал себя настоящим советским патриотом, которому дороги интересы своей Родины, честь и свобода советского народа. В течении всех боев с гитлеровскими бандами показал себя мужественным и бесстрашным командиром нашей Родины, презирая смерть, беспощадно уничтожал фашистскую свору. Боевыми подвигами Вашего мужа гордятся все бойцы и командиры. Партия, правительство и любимый наш СТАЛИН высоко оценил боевые подвиги Василия Времовича перед Родиной. Он награжден орденом "Красного Знамени". Гордясь Вашим мужем, мы сердечно поздравляем Вас с высокой правительственной наградой, полученной Василием Времовичем.

Мы вместе с Вами разделяем эту радостную весть и надеемся, что Василий Времович будет также уничтожать фашистов до полного уничтожения.

Ваш муж в жаркой схватке с врагом, был ранен. Сейчас находится на излечении в госпитале.

Крепко жмем Вашу руку, Елена Ряскова и желаем успехов в Вашей жизни.

Генерал-майор	/ ЭРАСТОВ/
Полковой комиссар	/ СЕРГЕЕВ/
Бригадный комиссар	/ ДРУЖИНИН/

" 3 " декабря 1941 г.

Кашин Верный Фед Сергеевич

Директор совхоза

Василий Ефремович Рясков, умелого организатора, опытного руководителя масс.

—Беспокойный человек наш директор... Иные сидят себе в кабинетах в холодную зиму, а нас пелегкая несет по горам: то в Елиново, то в Малиновку, а то, смотришь, в Казанду махнем—увлеченно рассказывал мне шофер Василий Журавлев о директоре совхоза—Василии Ефремовиче Раскове.

И насторожился, не стал перебивать собеседника и терпеливо ждал продолжения разговора.

Мы ехали из Лютасво в Солонешное. Валит хлопьями снег, машину то и дело подбрасывало на ухабах. Кое-где из-под снега выступали лужи. Зима явно запаздывала... Пожурив затихнувшую осень и плохие дороги, шофер умнож, зорко следя за колесами и свободно управляя юрким «газиком».

И уже было потерял надежду на возобновление заинтересовавшего меня разговора о директоре совхоза и подбрасивал слова, чтобы на-

вести водителя на эту мысль.

—Шофера других директоров,—начал я—в это время, наверное, сидят в теплых квартирах, а вы все еще за баранкой...

—А я им и не завидую,—ответил шофер.—Полюбил я движение, дороги и горы... Василий Ефремович—непоседа, умеет заразить этим и других.

Да, Василий Ефремович умеет вдохнуть в человека уверенность в собственные силы, заразить его творческим огоньком, горением. Оно и неудивительно: Василий Ефремович сам таков. Всегда внимательный к людям, общительный, он пользуется уважением рабочих совхоза, да и не только их. Василия Ефремовича знают во всем районе.

С первых дней организации совхоза Василий Ефремович является бессменным его руководителем. За этот период хозяйство заметно шагнуло в гору. Если в 1957 году в совхозе насчитывалось 2603 головы крупного рогатого скота, то сейчас поголовье возросло до 4222 голов. Почти на 700 голов увеличилось одних только коров, на 1815—овец.

Из года в год увеличивает совхоз сдачу государству животноводческой продукции. Так, например, если в 1957 году светлицы сдали государству 15584 центнера молока, то в 1961 году—24385 центнеров. Сдача мяса соответственно с 2329 центнеров увеличилась до 4292 центнеров. Почти на 80 центнеров возросла сдача государству шерсти.

Таким образом, мы видим, что хозяйство за эти годы шагнуло вперед и, естественно, большая заслуга в этом

Много сил и неиссякаемо энергии отдает директор совхоза своему обширному хозяйству. Вот и сегодня иде снег, время приближается полудни, а он послал свою машину за прорабом в Солонешное, сам же с бухгалтером засел за подсчеты и строительству новой школы. А тут еще предстоит поездка в Бийск. Надо уладить дело со сдачей скота на мясокombинат. И ко всему делу Василий Ефремович подходит обдуманно, по-государственному. Главная его забота—выпестить совхоз

рентабельное, многоотраслевое хозяйство, а жизнь рабочих и служащих сделать еще лучше. Для достижения этой цели рачительный хозяин не жалеет ни сил, ни времени. Ни одну бессонную ночь провел Василий Ефремович над расчетами, планами, замыслами. И все в имя того, чтобы совхоз пошел в гору, дал Родине больше продуктов сельского хозяйства.

Несмотря на свою занятость, директор совхоза постоянно находит время пригласить посетителя, поговорить с ним по душам, дать толковый совет. Именно эта черта—быть всегда с народом чутко прислушиваться к его голосу и характеризует Василия Ефремовича как руководителя, как человека большой души.

В народе Василия Ефремовича называют директором-строителем. И, по-моему, это очень правильно подмечено. Где бы он ни работал—всюду оставляет после себя приятный след—построенные дома и культурные учреждения.

(Окончание на 4 странице.)

ТОК БРАТСКОЙ ГЭС

КЕМЕРОВО. (ТАСС). В могучую энергетическую семью Сибири вошла еще одна система—Иркутская. Ток Братской ГЭС поступил на шахты Кузбасса, заводы Омска и Новосибирска. Это новый триумф советской науки и техники, которые сделали возможной переброску энергии на такое огромное расстояние.

Объединенная энергетическая система Сибири становится крупнейшей в стране. В нее входит сейчас Кузбасский, Новосибирский, Омский, Красноярский, Иркутский и Петропавловский энергорайоны.

Директор совхоза

(Оконч. Нач. см. на 2 стр.)

Так, например, работая директором Маралосовхоза, он построил в поселке Рыбное школу, детсад и ряд жилых домов. А как изменилось село Лютаево, где расположена центральная усадьба Светлинского совхоза! Здесь и кирпичная механизированная мастерская, и больница, и рабочая столовая, и школа. Построено 22 дома для рабочих и специалистов. Некоторые дома на бетонных фундаментах, под шифером. Это уже культура, которая все явственнее входит в быт светлинцев.

Но это далеко не все. Идет строительство клуба, с каждым годом растут строительные объекты на фермах совхоза. За лето 1961 года построена школа на 25 мест и три жилых дома на Светлинской ферме; строится двухэтажная школа на 250 мест на Березовской ферме и ряд других объектов.

Впрочем, можно было бы много говорить, перечислять фактов, свидетельствующих об организаторских способностях Рыскова.

Но мне хотелось бы подчеркнуть в нем еще одну черточку, а именно — человечность, глубокую озабоченность судьбами людей, их личной жизнью. Как-то в марте прошлого года из крайнего на самолете прилетел математик, направленный на работу в наш район. Но года в это время у нас, сами знаете, никудашня: то снег, то дождь, дороги раскисли. В тот день все директора совхозов были в

райкоме партии. Учителя надо было определить к месту, то есть направить в школу, обеспечить квартирой.

Некоторые из директоров сокрушенно говорили: «Мы бы и пригласили к себе ма тематика, да нет квартир, если бы он приехал летом...»

В разгар беседы в кабинет вошел Василий Ефремович. Узнав в чем дело, он твердо сказал: «Давайте его мне!» Тут же он вызвал шофера, посадил учителя в машину и отправил в совхоз, наказав шоферу, в какую квартиру поместить математика, велел позаботиться о нем, хорошо принять.

Прочно выглядит хозяйство Светлинского совхоза. По плану в 1961 году совхоз должен был сдать государству 3600 центнеров мяса, а сдал 4292 центнера.

Сейчас коллектив совхоза выступил инициатором социалистического соревнования: он решил к дню выборов в Верховный Совет СССР выполнить квартальный план по продаже государству мяса и молока.

Вместе с ростом хозяйства растет и авторитет Василия Ефремовича. Уже ряд лет избирается он членом райкома и членом бюро райкома КПСС.

Вежливый, любитель юмора, всегда бодрый и жизнерадостный, Василий Ефремович полон новых планов на будущее. Он стремится претворить в жизнь заветную мечту: дать как можно больше пользы Родине, превратить Светлинский совхоз в образцовое хозяйство.

Н. СИДОРКИН.

Труженики нашего района часто видят на страницах газет портреты своих товарищей — пародовых охотников, доярок, механизаторов и работников других профессий. Но имя директора совхоза, а особенно портрет, читатель встречает очень редко, разве только тогда, когда директора критикуют за недостатки.

Нан-то по заданию редакции я был в Светлинском совхозе и попросил разрешения у директора совхоза В. Е. Рыскова сфотографировать его. Он категорически отказал в моей просьбе.

— Плохо мы еще работаем, много недостатков, — такое был его ответ.

Что же, это вполне законно. Недостатки есть у всех. Но каждый человек ценится в нашей стране по его делам. А дела говорят сами за себя. Руководимое Василием Ефремовичем Рысковым хозяйство из года в год поднимается в гору. Лучше других в районе ведется здесь жилищное и культурно-бытовое строительство, увеличивается производство продуктов сельского хозяйства. За последние годы совхоз набирает темпы по превращению своего хозяйства в рентабельное, высокодоходное.

В 1961 году Светлинский совхоз по рентабельности вышел в первую пятерку среди совхозов Бийского треста. В этом есть значительная доля труда директора совхоза.

Объектив «Зоркого-4» запечатлел Василия Ефремовича за работой.

На снимке: директор Светлинского совхоза.

В. Е. Рыков.

Фото М. Танана.

Перевыполним пятилетний план

Светлинский совхоз— крупное животноводческое хозяйство, имеющее 41000 гектаров земли, из них 8700 гектаров заняты под пашней. Имеем 6000 голов крупнорогатого скота и 13000 овец.

В основу нового пятилетнего плана мы взяли план-заказ государства по продаже продукции сельского хозяйства. Вот как это выглядит в цифрах (сдача молока, мяса, шерсти в центнерах по годам):

годы	молоко	мясо	шерсть
1966	43500	6300	262
1967	44500	6475	270
1968	45150	6750	290
1969	45700	7050	320
1970	46500	7700	370

Увеличение сдачи продукции за пятилетие незначительное, и мы уверены в выполнении ее. За прошедшие годы с 1957 года совхоз увеличил продажу молока на 19125 центнеров, мяса — на 4546, шерсти — на 122 центнера.

Мы сейчас ставим задачу о перевыполнении

1959 году Светлинский совхоз произвел молока 19700 центнеров, мяса — 2845 центнеров, а в 1965 году уже произведено молока 40140 центнеров, мяса — 5466 центнеров.

плана-заказа и продаже продукции сверх плана по повышенным ценам. В этом году за сверхплановую сдачу молока мы получили около 100 тысяч рублей, получили прибыль за мясо и другую продукцию. Совхоз и в предстоящем пятилетии будет поставлять продукцию сверх плана. Это выгодно хозяйству и государству.

Важнейшей задачей тружеников совхоза является создание кормовой базы. В мероприятиях по выполнению пятилетнего плана записано, что совхоз увеличит урожайность зерновых культур до 15 центнеров с гектара. Включив в севообороты однолетние и

многолетние травы, совхоз добьется урожайности сена до 18 центнеров с гектара. Передовые хозяйства совхоза, как Юртинская ферма, в текущем году, несмотря на плохие климатические условия, получила зерновых по 17,4 центнера с гектара и сена — по 18,6 центнера.

Светлинский совхоз намного увеличил валовой надой молока. Но беда в том, что возить продукцию приходится на большое расстояние. Есть необходимость и целесообразность строительства маслозавода в с. Лютаево.

В. РЯСКОВ,

директор Светлинского совхоза.

На снимке: В. Е. Рясков за составлением пятилетнего плана.

Фото И. Любанова.

Лютаевская ферма Светлинского совхоза в период с 1959 по 1965 годы увеличила производство мяса на 500 центнеров, молока — на 4948 центнеров.

Поголовье овец в Горно-Алтайском совхозе за семилетие выросло на 4912 голов.

Центральная усадьба Светлинского совхоза расположена на тракте Соловешное—Вийск. Просекая осенью, из кабины машины можно видеть тучные поля кукурузы, золотистой пшеницы, а в центре усадьбы—ровные ряды домов.

В этом хозяйстве мне приходилось бывать и прежде, лет 5 назад. В ту пору оно из отсталых шло на подъем. Теперь это передовое, всесторонне развитое хозяйство. Но самое главное, что выгодно отличает этот совхоз от других,—люди здесь живут с перспективой.

—А без этого никак нельзя,—говорит Матвей Максимович Давыдов, совхозный чабан.

Сам Матвей Максимович—человек с дальним прицелом. Он первый в совхозе, да, пожалуй, и в районе по-настоящему оценил новшество Ставропольского овцевода Ивана Малашенко, перешел на уплотненный окол.

Так, рядовой рабочий устроился в инициативе своего далекого товарища по профессии дело большой государственной важности. Факт сам по себе примечательный для нашего времени. Он говорит о растущей творческой инициативе масс, без которой немислимо движение вперед.

Идут годы, жизнь меняется у всех на глазах.

Если бы лет пять назад, когда создавался совхоз, рабочему сказал, что в 1960 году они будут сдавать государству мяса не тысячу центнеров, а около пяти тысяч центнеров, как сейчас, то некоторые бы просто не поверили. Даже по сравнению с прошлым годом сдача государству мяса увеличилась на 130 процентов.

Что же способствует успехам? Прежде всего прочная кормовая база, добротные животноводческие помещения и правильное содержание скота.

Решения нашей партии по перестройке сельского хозяйства открыли широкий простор производителям окол. Теперь уже каждый рабочий понимает, что с ростом общественного Золотства растет и его благополучие.

Пять лет назад совхоз производил на 100 гектаров сель-

170 центнеров зерна, а нынче произведено 65 центнеров молока, 14 центнеров мяса, 364 центнера зерна. Зна-

Совхоз на крутом подъеме

чительно повысился и средний заработок рабочего.

Между этими показателями видна закономерная связь. Рост производства обуславливает оплату труда. В данном случае все эти показатели выросли примерно в два с лишним раза.

Но самое главное, труд крестьянина изменился качественно. Теперь он работает на технике. Сейчас в совхозе имеется 66 автомашин, а еще совсем недавно было 39. Тракторный парк располагает 70 машинами.

Облегчены процессы труда в животноводстве. На смену ручному труду животноводов пришла мехдойка. Только в этом году совхоз получила их 8 комплектов.

Механизация ферм позволила труженикам лучше ухаживать за животными. Все это в конечном счете ведет к увеличению производства молока, мяса, росту поголовья.

Если в 1956 году совхоз сдал государству 8645 центнеров молока, то только за 10 месяцев 1960 года государству получило от этого хозяйства 16774 центнера. Или взять хотя бы овцеводство. Пять лет назад оно было развито в колхозе плохо. Но доход был куда ниже, чем сейчас, потому что в то время овцеводство было в основном грубошерстное, а нынче—почти все тонкорунное. Увеличились настриги шерсти и приплод молодняка. Сдача государству шерсти за эти годы возросла более чем в два раза.

Еще более разительные перемены произойдут в этой отрасли хозяйства в связи с переходом на уплотненный окол.

Таковы яркие показатели труда светлинцев. И надо бы видеть, с какой гордостью их называл директор совхоза Василий Ефремович Рысков. Нельзя не сказать несколько слов об этом руководителе, отдающем все свои силы на благо народа. 12 лет беспрерывно он работал директором Маралосовхоза. С 1954 года работает в этом хозяйстве, вначале секретарем партбюро, затем инспектором. Разные мог-

го высококвалифицированного хозяйства. Заметно, очень заметно изменилось и отношение людей к труду. Это видно не только на примере животноводов.

Возьмем полеводство. Здесь рабочие тоже идут лучше организации своего труда. П примеру А. Чибисова в совхозе нынче созданы механизированные отряды. И результаты их неплохие. Светлинский совхоз одним из первых в районе рассчитался с государством по хлебозаготовкам больше всех вспахал збои под урожай будущего года.

Конечно, подъем совхозного производства до нынешнего уровня шел не гладким путем. Партийной организации, коммунстам совхоза пришлось упорно поработать, чтобы изменить отношение людей к труду, повысить его производительность.

О славной истории хозяйств хороше рассказывает ветеран, ныне заместитель директора этого хозяйства Аркадий Иванович Зацепин.

—Было нелегко, но мы знали, что сами являемся кузнецами своего счастья.

Правильные слова! Разительные перемены видны в каждом шагу. На большинстве ферм недавно построены новые клубы. В будущем году будет сдан в эксплуатацию новый Дом культуры на центральной усадьбе. Всех новостроек не перечтешь. Над сказать, что Светлинский совхоз ведет капитальное строительство лучше других хозяйств района. Достаточно привести такой пример, что из Октябрьской фермы из бывших старых комхозов остались не перестроены только два

Сумерки окутали поселок центральной усадьбы. Загорая электрические огни. Трудовой день закончился. Мы идем вместе с председателем рабочкома Павлом Пахомовичем Поповым, говорим о людях: труда, о насыщенных делах, о высоком подъеме жизни. И все это дала наша Коммунистическая партия.

На всю улану разносится из репродуктора песня:

...Сегодня

А к комм:

И так сози знакомые сло

Любимый Алтай

Моя мама - Ирина Михайловна Ряскова

Мой отец - Ефрем Павлович Рясков
(слева направо: сидит - первый)

Василий Ефремович Рясков

Моя жена – Елена Алексеевна Рякова
(вторая слева направо)

Моя дочь – Алечка
(первый курс Московского пушно-мехового института)

Моя дочь – Аля
(пятый курс)

Моя дочь – Алевтина Васильевна
(директор средней школы, преподаватель биологии)

Моя внучка – Лена
(преподаватель английского языка)

Моя внучка – Марина
(детский врач)

Родной Алтай

Маралы

Содержание

Предисловие	9
Мемуары	11
Приложение	121

В.Е. Рясков

Моя жизнь – Алтай
(воспоминания и размышления)

Издательство «Оттиск»

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 26.06.2012 г. Формат 60/84/32.

Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 5,03.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Заказ № 0019.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.

Тел.: 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru